

Владимир Сверкунов

ИГРЫ В АПОКАЛИПСИС

Владимир Сверкунов

Игры в апокалипсис

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сверкунов В. Д.

Игры в апокалипсис / В. Д. Сверкунов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Продолжение романа «Тело призрака». Следователь Анатолий Сивцов вновь сталкивается с законспирированной группой «апостолов». Стремясь избавить человечество от скверны, они нейтрализуют современное оружие, устраивают показательные наказания людей за грехи, подводят США к черте краха. К чему это приведет? К спасению или гибели земной цивилизации?

Содержание

Часть первая	6
Искажение	6
1.	6
2.	7
3.	8
4.	10
5.	12
6.	15
7.	17
8.	18
9.	18
10.	19
11.	20
12.	21
13.	23
14.	24
15.	25
16.	27
17.	29
18.	31
19.	33
20.	34
21.	36
22.	38
23.	39
24.	41
25.	42
26.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Все события, описанные в этой книге, герои, действующие в ней, рождены фантазией автора. Любые совпадения имен и названий с реальными людьми и организациями – не более чем случайность.

Посвящается Стивену Спилбергу, Уолтеру Хиллу, Филлипу Нойсу, Джонсу Муру, Джонсу Милиусу и другим создателям «страшилок» о злых и коварных русских в кино и прозе.

Часть первая

Искажение

1.

Три самолета совершили один и тот же маневр: сделав мертвую петлю, скатились в крутое пике и стремительно понеслись навстречу земле. Это происходило не на военном параде, да и находились аэропланы не бок о бок, а на расстоянии десяти километров друг от друга. Так что синхронность их действий не могла быть замечена кем-нибудь ни на земле, ни в воздухе.

Ничего подобного не видели и пилоты. Перед первым развернулась картина лазурного моря, простиравшегося внизу. Второй увидел отоженную до цвета керамики пустыню с ленивыми волнами барханов. Глаза третьего с удивлением обнаружили под крыльями самолета скалистые горы, увенчанные сахарно-снежными вершинами.

Пилоты сверлили глазами мониторы, пытаясь понять, куда же залетели их «птички». Но на экранах продолжала колыхаться морская, пустынная и горная идиллии. Попытки изменить курс самолетов – а для этого у каждого имелись два джойстика, клавиатура компьютера и еще куча разных кнопок – ничего не дали.

– Пол, здесь не может быть моря! – закричал первому пилоту помощник по боевым системам. – Что происходит?

– Не знаю, пытаюсь понять, – бросил изрядно вспотевший лидер команды управления самолетом по фамилии Чандлер.

Тут же за его спиной оказался и третий специалист, отвечающий за работу интеллектуальных систем, Гриф Пирсон.

– Попробуй поворачивать камеру, – посоветовал он.

Сначала это ничего не дало. Море по-прежнему не отступало. Но после пятой или шестой серии манипуляций экран погас, и на нем высветилась строка: «Камера испорчена». Через пару минут она сменилась другой надписью: «Самолет не отвечает».

– Что это было? – опять проревел «боевик» Род Карр.

– Кажется, мы его потеряли, – первым ответил «интеллектуал» Пирсон.

Пол Чандлер молча сидел в оцепенении, крепко сжав оба джойстика, и казалось, что он – реальный пилот, сидящий в кабине настоящего самолета, который он пытается спасти. На самом деле вся троица отвечала за маневрирование в воздухе беспилотника или так называемого дрона.

Подобный шок испытали и две другие команды, которые находились за стенками с правой и левой стороны.

Пикирование продолжалось недолго. Почти одновременно самолеты уткнулись носами в степную, раскаленную солнцем землю, и следом прозвучали три взрыва.

Это произошло за тысячи километров от центра управления дронами, на линии противостояния воюющих уже несколько лет группировок, расколовших некогда благополучную страну Слaviю на две половины. Американцы не могли безучастно наблюдать за развитием событий, тем более что именно они два десятка лет наускивали одну часть населения этого государства на другую. И теперь они, как ранее, во многих других странах, тащили свою застиранную, как старая портянка, демократию в эту часть света, как говорится, на штыках. Хотя, сделав поправку на технический прогресс, правильнее было бы сказать, на крыльях беспилотников.

2.

Информация об инциденте уже через полчаса стала предметом обсуждения в кабинете капитана Этона Хэнкока. Все девять виновников гибели трех дронов модификации «Серый орел», оснащенных ракетами «Адский огонь», стояли навытяжку перед офицером, который то садился в кресло, то вставал, сверкая мутными глазами из-под слишком густых для лысого человека бровей. Как будто именно ими он компенсировал отсутствие шевелюры.

– Кто мне объяснит, что произошло? Почему наши самолеты оказались неспособными выполнить боевую задачу? Где они сейчас находятся? – рычал он, и типично-животные для американского произношения звуки «р» звучали особенно хищно.

Всех молодых людей, а были они не старше двадцати пяти лет, такое обилие вопросов привело в состояние ступора. Ни один из них не отличался словоохотливостью, что было вполне объяснимо. В армию ребята попали из среды компьютерных игроков – геймеров, а эта категория людей привыкла воевать в одиночку, порой чуть ли не сутками сидя у компьютера и сопровождая свои действия только самыми примитивными междометиями: вау, аха, бу-йя, хо-хо.

На геймеров в вооруженных силах сделали ставку, когда начались массовые отказы летчиков управлять дронами: это занятие воздушным асам представилось скучным и пустым – никакого ощущения полета, зато глаза начинают слезиться уже после пяти часов сидения за «штурвалами» компьютера.

Тогда-то и стали обрабатывать тех, у кого привязанность к монитору уже превратилась в болезнь. Им предлагали играть, но «по-настоящему», да еще и с выплатой неплохой зарплаты. Правда, при этом умалчивалось, что в армии нужно будет строго соблюдать субординацию, не смея прекословить вышестоящим начальникам, что возможна отправка в зону боевых действий, что с помощью дронов придется убивать не виртуальных, а живых людей, нередко просто мирных жителей. И подписав контракты на службу в армии на пять лет, большинство геймеров превратилось в киллеров.

– Итак, я еще раз спрашиваю, – снова зарычал командир, – как вы объясните происшедшее? – Он схватил указку и ткнул в Чандлера: – отвечайте!

– Я думаю, сэр, произошла потеря управлением самолетами, сэр, – неуверенно произнес Пол.

Хэнкок вскочил с кресла и заорал:

– Вы потеряли не управление, вы потеряли последние мозги, а заодно три раза по восемь миллионов долларов! Итого вы прос...ли две дюжины чертовых миллионов! Для вас это игра?

Немного отдышавшись, он продолжил:

– У кого есть более или менее разумная версия крушения беспилотников?

Он обвел глазами стоящих перед ним навытяжку вчерашних геймеров и, заметив какое-то подобие мысли во взгляде Грифа Пирсона, кивнул ему:

– Давай, ты!

– Сэр, возможно, во всем виновата природная аномалия?

– Ано... – порывлся в памяти капитан, но не нашел искомого слова, – не кидайся словами рядовой, говори понятно, что ты имеешь в виду.

– Насколько я знаю, в этой местности много шахт, а это полости под землей. Может быть, они влияют на прохождение радиоволн? Или здесь залегают железная руда, сэр...

Хэнкок не слишком хорошо разбирался в физике, вернее, вообще никак, но ему показалось, что в словах парня есть какой-то смысл. По крайней мере, можно в рапорте начальству напустить эдакого электронного тумана, пусть потом разбираются. Ведь, в конце концов,

над Бермудским треугольником исчезло немало самолетов, а почему это произошло, так никто толком и не объяснил. Почему бы не быть и «Славийскому треугольнику»?!

– Что ж, уже неплохо! – сказал он, обращаясь только к Пирсону. – Но вы утверждали, что видели на мониторе морской пейзаж. А это как можно объяснить?

– Вероятно, сэр, мы приняли отраженный сигнал какой-то телестанции, может, там шла передача о туризме, – не растерялся Гриф.

– Да, я слышал о подобном, – задумавшись, произнес командир. Он, казалось, впал в кому, и команда минут пять ждала, когда он, наконец, очнется.

– До окончательного выяснения обстоятельств крушения трех беспилотных летательных аппаратов все три экипажа отстраняются от управления полетами, – слова капитана прозвучали все-таки неожиданно для его подчиненных. – За пределы авиабазы не выходить!

3.

Еще не оправившись от болезни, время от времени кашляя и вытирая полотенцем пот со лба, Анатолий Сивцов начал разбирать почту, скопившуюся в электронном ящике. Его простуда носила совершенно летний характер – в том смысле, что была спровоцирована жарой. Надеясь «заморозить» струйки пота, Анатолий выставил на кондиционере значение чуть больше нуля. Пришла желанная прохлада, а вслед за ней першение в горле и насморк. Болезнь оказалось настолько сильной, что ему пришлось, впервые за многие годы, остаться дома и вызвать врача. И вот, когда температурный натиск немного отступил, Сивцов решил проверить свой почтовый ящик.

Нельзя сказать, чтобы он с нетерпением ждал от кого-то весточки. Собственно, написать ему мог только брат с Дальнего Востока, но тот не очень-то любил выступать в эпистолярном жанре, особенно в его электронном варианте.

Правда, в глубине души Сивцов робко надеялся на то, что каким-то непостижимым образом его «мыльный» адрес узнает та удивительная женщина-девочка, с которой он встретился четыре с лишним года назад. Тогда и события, бросившие их друг к другу, были какие-то фантастические, а само знакомство он вообще воспринимал как сказку: Машенька появилась, околдовала и растаяла, как Снегурочка...

Он довольно долго не решался позвонить ей, не понимая мотивов ее бегства из Москвы в Казань, где она жила. А когда все же набрал ее номер – это было через полгода после их внезапного расставания – бездушный голос робота констатировал, что такого абонента не существует.

Конечно, Анатолий, будучи далеко не последним работником Генеральной Прокуратуры, а впоследствии, после реорганизации этой силовой структуры, сотрудником Следственного Комитета, мог бы легко узнать новый номер телефона Марии Ильиничны Ульяновой и даже вызвать ее повесткой в столицу – адрес, где она проживала, сохранился в документах, оформленных при проведении генетической экспертизы. Но ничего этого он делать не стал – не хотел быть навязчивым.

Сивцов пробежался по списку новых писем и подумал: «Вот уж кто не боится показаться приставучим, – те, кто шлет беспардонные послания, призывающие что-то купить, посетить какие-то семинары, убрать морщины или повысить мужскую силу». Он безжалостно пометил весь спам и хотел уже удалить его, как остановил взгляд на одном из писем. В графе «Тема» было написано: «Вы избраны как неординарно мыслящий человек». Анатолий снял «флажок» с этого послания, вычистил весь другой мусор и решил прочитать, за что ему отпущен столь лестный комплимент.

В письме была только одна короткая фраза: «Мы ищем людей, которые смогут внести вклад в глубокое осмысление миропорядка». Сивцов подумал: «Как-то коряво написано!» Но

все же решил пойти по ссылке, указанной ниже. Там оказался текст, озаглавленный «Проект Х». А над всем этим крупными буквами значилось: «Все фиксируют негатив, но необходимо осмыслить его корни». Справа от этой тоже не очень блестяще написанной фразы «торчал» вопрос с надписью-кнопочкой: «Что можно сделать?».

Еще не прочитав ни одного предложения самого опуса, Анатолий щелкнул по ссылке и на открывшейся странице обнаружил три совета: наблюдать, обсуждать, думать. Каждый из них сопровождался небольшим комментарием. Например, по слову «думать» было написано: «Нас интересуют думающие люди. Именно с ними нам по пути. Если вы считаете, что можете внести свой интеллектуальный вклад в нашу деятельность, то мы вас слушаем». Под эти текстом находилось небольшое окно, в которое можно было вписать свои «умные» мысли, правда, их надо было втиснуть всего в 700 знаков. При этом никакого указания, кто обращается к думающей части человечества, ни даже косвенных примет, по которым можно было бы установить авторство создателей сайта, не было.

Сивцов ухмыльнулся: анонимы принимали только облегченные интеллектуальные вклады, будто их складывали в ячейки автоматических камер хранения, какие бывают на вокзалах, – в них большие чемоданы не помещаются.

Ради интереса он решил все же вернуться к тексту. Это был уже второй из попавшихся ему на глаза «проект», претендовавший на изменение мироздания. Первый назывался гораздо более помпезно – «Проект Россия», он был издан в виде прекрасно оформленного трехтомника, однако и на его обложках, и в выходных данных не было никакого указания на авторство.

Введение, с которого начинался новый опус, не очень заинтересовало Анатолия, там констатировались уже известные суждения о крайне нерациональных тратах материальных и общественных ресурсов, а чтобы этому положить конец, нужно на основе нового мировоззрения поставить перед человечеством глобальную цель.

Зато первая же глава «проекта» показалась Сивцову любопытной. В ней предлагалось читателю вообразить человечество в виде поезда. Впереди едет локомотив, за ним – пассажирские, потом товарные вагоны, а в самом хвосте – цистерны. По воле авторов, во всех этих «единицах подвижного состава» путешествуют люди. И в зависимости от места нахождения, у них разный уровень видимости внешнего мира.

Для людей, сидящих в локомотиве, он раскрывается максимально широко благодаря лобовому стеклу и боковым окнам. Его существование для них так же очевидно, как и пространство внутри локомотива.

В пассажирских вагонах лобового стекла нет, есть только большие боковые окна. Но они открывают обзор по обеим сторонам. При желании в них можно даже высунуть голову и немного заглянуть вперед. Мир за рамками вагона для пассажиров так же не подлежит сомнению, как и для тех, кто находится в локомотиве.

В товарных вагонах нет окон, но есть щели. К ним можно прильнуть и увидеть внешний мир. Но это делают только самые любознательные, остальные считают гораздо более важным пространство внутри вагона. Пассажиры могут согласиться с тем, что существует и какой-то другой мир, однако он слишком абстрактен для них.

В герметичных цистернах нет ни окон, ни щелей. Находящиеся в них люди не видят внешнего мира. Их единственная реальность – объем цистерны, за пределами которой больше ничего не существует.

«Ага, – подумал Анатолий, – этой скрытой лестью «проектировщики» пытаются заманить в локомотив «думающих людей», чтобы потом вместе вести поезд в нужном направлении. Но в каком?»

Он дочитал опус до конца, хотя финала как такового не было: повествование обрывалось внезапно, так и не дав ориентиры: что же делать бедному многострадальному человечеству? Единственное предложение заключалось в отказе от гуманизма, который венцом мироздания

считает человека, не оставляя места богу. Логическим продолжением такого подхода стало все увеличивающееся потребление, которое постоянно подогревается производителями товаров и услуг, а вслед за ними – и обществом.

Чтобы низвергнуть «зверя» по имени «гуманизм», авторы соорудили мощный философский фундамент, вновь вопрошая, что же первично – материя или сознание? В конце концов, они вышли на такой вывод: «У гуманизма есть два базовых утверждения: во-первых, что материальная вселенная существует бесконечное время и, во-вторых, что бесконечного времени хватит на завершение любого материального сценария. Эти взгляды пришли в противоречие друг с другом. Материальные объекты могут существовать только ограниченное время, в противном случае Вселенная оказалась бы загроможденной ими. И мы, взглянув на небо, увидели бы звезды, заполнившие все пространство и «слипшиеся» друг с другом. Но поскольку такого не происходит, можно сделать вывод: сам факт существования любого материального объекта говорит о том, что у него есть начало».

Прочитав все это, Сивцов стал размышлять: «Философы многие века топтались на одном месте, пытаясь ответить на, казалось бы, простой вопрос: что было раньше – яйцо или курица? А ведь это яйцо и есть Вселенная.

Сторонники теории бесконечности полагали, что первым появилось яйцо. Если рассматривать жизнь, то она началась с клетки, которая, эволюционируя, превратилась, наконец, в курицу. А Вселенная соответственно началась с какой-нибудь элементарной частицы.

Их оппоненты считали, что курица, способная нести яйца, была сразу создана Богом, так же, как все живое и неживое во Вселенной, да и она сама, впрочем, тоже.

Ни одна из этих теорий, однако, не в силах расставить все точки над *i*. Как может существовать вечно Вселенная, если у каждого процесса есть начало и конец? К тому же теоретически подтверждено, что старт Вселенной был дан большим взрывом, и это никак не вяжется с понятием бесконечности. Что же касается Создателя, то закономерно возникает вопрос: а сам-то он как появился? Сторонники его существования поневоле должны перейти на позицию своих противников, признавая, что Бог существовал вечно».

Анатолий почувствовал, что у него начали путаться мысли. Он будто наталкивался на какую-то непреодолимую стену, за которую не то что проникнуть, но даже заглянуть ни ему, ни другим представителям человечества не дано.

Он вспомнил еще один постулат философии, который поражал его сознание еще в молодости: мы все время будем стремиться к истине, но никогда ее не достигнем. Если применить эту фразу к тому образу, который нарисован в прочитанной им книге, то получается, что даже те, кто управляет локомотивом, тоже находятся в цистерне. Или, если быть более точным, то поезд, в котором едет человечество с его пытливыми и равнодушными машинистами и пассажирами, сам курсирует в чреве какой-то цистерны. А истина – за ее пределами.

4.

То, что Сивцов не отправил «автоматом» философское письмо в спам, имело свое объяснение. Два дня назад, в пятницу, когда он уже почувствовал признаки простуды и говорил с явным французским прононсом, почти так же гнусаво прогундел его телефон и после паузы выдал что-то невероятное:

– Я всех вспомнил – каждого из двенадцати апостолов! – голос в телефонной трубке картавил и выдавал беспокойство его обладателя.

Сивцов догадался, о чем идет речь, но на всякий случай спросил:

– Кто это говорит?

– Я из Новосибирска, вряд ли вы вспомните мою фамилию. Но если попроще, то я Христос или, если вам будет угодно, Ленин.

Анатолий немного помолчал, выуживая из памяти нужные сведения, и спросил:

– Всеволод Андреевич Лагутин?

– Вы помните, как меня зовут? – с восхищением прокричал телефонный собеседник.

– Еще бы! – отозвался Сивцов. – Такое забыть невозможно. А вы-то сами вспомнили настоящего себя или того, что был с апостолами?

– Конечно, не сразу, но все же обрел свою подлинную сущность, – витиевато заметил Лагутин. – Спасибо жене: обещала сковородкой треснуть, если не вспомню. Шутка, конечно. Но дело-то у меня к вам серьезное. Я примерно знаю, что задумали эти люди, и уверен, что они не отступятся от своего замысла. Все может принять очень крутой оборот.

– Но ведь прошло уже четыре с лишним года! – удивился Анатолий.

– Всего четыре года! – поправил Всеволод Андреевич. – Для таких грандиозных планов, как у них, это совсем немного. И, по-моему, уже есть признаки воплощения ими своих задумок. Но, кажется, это не телефонный разговор. Мне бы хотелось встретиться с вами с глазу на глаз. Это возможно?

Сивцов ответил не сразу. Во-первых, поиски однажды ускользнувших от следствия мистификаторов, которых можно было бы обвинить в похищении человека, не входили в круг его обязанностей. Во-вторых, Анатолий не знал, какими мотивами руководствовался Лагутин, добываясь с ним встречи. Но интуиция подсказывала, что рано или поздно, но придется заниматься делом апостолов. Сивцов хмыкнул – это уже, как говорится, вторая натура: всему давать емкие негласные названия.

Когда на другом конце провода собеседник начал проявлять признаки нетерпеливости, сопя и покашливая, Анатолий, наконец, сказал:

– Ну, разве что ради личного интереса. Когда вы хотите встретиться?

– Я буду в Москве на следующей неделе, пригласили на симпозиум, – сразу же отозвался Лагутин. – А в остальном полагаюсь на вас.

– Давайте поступим так: вы оставите свой номер мобильного, а я вам позвоню после работы в среду, – предложил Сивцов. – Только не удивляйтесь, что мой номер не определится, такая уж у нас работа.

– Конечно, меня полностью устраивает этот вариант, – радостно воскликнул собеседник и продиктовал номер телефона.

На этом разговор закончился, но Анатолий еще какое-то время находился в плену воспоминаний. Он подошел к окну и в очередной раз подумал, что вид с четвертого этажа Следственного комитета, наверное, самый унылый во всей столице. Сивцову достался кабинет, выходящий окнами на серые строения переулка – узкой извилистой кишки.

Память быстро оживила события четырехлетней давности, когда из Мавзолея исчезло тело Ленина. Сивцов тогда возглавил следственную группу, которая, изучив обстоятельства дела, не нашла никаких зацепок.

Тем временем объявился человек, который утверждал, что он – воскресший Ленин и одновременно Иисус Христос, пришествие которого ждет человечество.

В конце концов, следователи установили, что преступники похитили тело Ленина, вырезав одну из мраморных плит в подземной части Мавзолея. В тоннеле оказалось и запертое помещение с кондиционером, где хранилась мумия вождя. Здесь следователи устроили засаду и задержали похитителей, которые, однако, не имели никакого отношения к воскрешению Ленина-Христа.

Человек, который выдавал себя за Спасителя, был найден со стертой памятью на маленькой станции. Выяснилось, что это преподаватель философии Новосибирского университета Всеволод Андреевич Лагутин, похищенный несколькими месяцами ранее неизвестными людьми. Именно тот человек, который позвонил Сивцову и заявил, что вновь обрел память. Одной из сенсаций того расследования стало заключение инициированной Анатолием

молекулярно-генетической экспертизы: в Мавзолее лежал вовсе не вождь, а другой человек. Такие результаты дало сравнение генетического материала мумии и родственницы настоящего Ленина – Марии Ильиничны Ульяновой. Машеньки, которая никак не желала покидать сердце Сивцова.

– Ну что ж, – сказал он вслух, – может быть, такое развитие событий приведет меня к... – он замолчал, не считая нужным произносить имя, спрятанное в глубине его души.

5.

Перед тем, как идти на встречу с Лагутиным, о которой Анатолий договорился, позвонив «бывшему Ленину», он решил посмотреть, до чего додумались участники дискуссии, которая должна была развернуться вокруг «Проекта Х». И сразу же наткнулся на фразу, показавшуюся ему интересной. Один из обосновавшихся на вновь открытом форуме «философов» вещал:

«Каждый ищет свою правду, удобную и понятную для него. При этом мы оглядываемся вокруг. Ищем ответа в своей реальности. Заглядываем в чужие реальности. Взмываем высоко в космос. Прыгаем в глубокие Марианские впадины. И создается впечатление, что люди пытаются убежать от поставленных вопросов. Пытаются спрятаться от надвигающихся ответов. Они бегут от истин. Они упиваются ложной реальностью».

К сожалению, автор так и не развил эту мысль, дальше его потянуло к отвлеченным понятиям. А они уж точно не могли дать ответ на самый главный вопрос: почему человечество загнало себя в тупик и оказалось не в состоянии решить ни одну из глобальных проблем, в числе которых ведение войн, нищета населения многих стран, отравление окружающей среды?

Сивцов посмотрел на часы, до встречи оставалось полчаса. За это время можно было не спеша дойти пешком до пиццерии, расположенной на Черноморском бульваре. Часть пути – до метро – он вообще мог бы проделать с завязанными глазами: каждый день он пробегал триста или четыреста метров по Чертановской улице дважды, практически не замечая, что на ней расположено. Но в этот раз Анатолий внимательно осматривал свои «владения». Хотя район был спальным, здесь, как и в любом другом месте города, со всех сторон на людей напирала навязчивая реклама. Она вползла на стены зданий, забралась на прямоугольники билбордов, влезла в окна домов и даже распласталась на асфальте, прямо под ногами прохожих. «Купи, позвони, посети, закажи», – кричала, визжала, шептала, шипела она.

«Это какое-то наваждение! – подумал Сивцов. – И в конечном итоге многие люди, поддавшись этим заклинаниям, покупают и заказывают то, что им не нужно, посещают странные места, откуда им хочется убежать, звонят абонентам, которые их откровенно дурачат.

Он свернул на Черноморский бульвар и облегченно вздохнул. Почему-то здесь не оказалось рекламы, зато деревьев и других зеленых насаждений было в избытке. Анатолий даже позавидовал местным жителям, от которых его отделяло всего несколько сот метров. Но ведь смогли они обустроить свою жизнь так, чтобы беспардонные вторжения придатков-щупальцев общества потребления не проникали в этот мир!

Сивцов дошел до пиццерии со скромной вывеской над дверью, еще раз взглянул на часы – оказалось, что у него в запасе еще десять минут. Он перешел дорогу и оказался на широкой аллее, обсаженной несколькими рядами деревьев. Прямо перед ним раскинулась детская площадка – целый городок из ярких конструкций. Анатолий сел на скамейку рядом с этим чудом – у себя во дворе он ничего подобного не видел. Тот, кто придумал эти строения, был настоящим творцом. Для детей конструкции становились поездами, самолетами, автомобилями, кораблями, а еще горками, шведскими стенками, лесенками и турниками. Ни на секунду не прекращалось, на первый взгляд, беспорядочное движение малышей, в котором, однако, все было точно отлажено неумной детской фантазией.

Мысли о детях, как он считал, запоздалые, не раз посещали его в последние годы. Иногда они просто кричали: как ты смог прожить пятьдесят с лишним лет и остаться в одиночестве?! Анатолий искал себе самые разные оправдания: напряженная работа, якобы несовместимая с семейной жизнью, несоответствие претенденток на роль супруги и матери его детей его взглядам и даже, как он хотел себя убедить, непривлекательная внешность, что, конечно же, было неправдой. Его нельзя было назвать великаном, но и карликом – тоже. Прожив более чем полвека, Сивцов сохранил густую шевелюру, в которой блестело совсем немного седых волосков. У него были живые глаза и вызывающая доверие улыбка. А что еще надо для мужчины его возраста?

Он не заметил, как рядом с ним на скамейку сел примерно такого же возраста, как он, человек, но с почти полным отсутствием шевелюры.

– Вам плохо? – спросил он у Сивцова и добавил, – Анатолий Михайлович?

Следователь встрепенулся, услышав свое имя-отчество в нерабочей обстановке, но сразу же сообразил, с кем имеет дело.

– Нет, все нормально, просто засмотрелся на детишек, – сказал он и так же, как собеседник, добавил: – Всеволод Андреевич!

Они оба засмеялись от столь странного диалога, после чего Лагутин непринужденно заметил:

– Да, здесь какое-то волшебное место, будто молодеешь! Наверное, ребяшня делится энергией.

– Вы сорвали эту мысль у меня с языка, – отозвался Сивцов. – И, честно говоря, даже уходить отсюда не хочется! Вы голодны?

– Нет-нет-нет, – будто опасаясь, что одному его слову не поверят, разразился триадой собеседник. – У нас сегодня был прекрасный фуршет, я не удержался и отлично закусил.

– Тогда предлагаю остаться здесь, – обрадовался следователь, у которого совершенно не было аппетита.

– Согласен! – подхватил Всеволод Андреевич и пошутил: – Думаю, пицца на нас не разозлится!

– Ну что ж, тогда начнем, – уже совершенно серьезным тоном произнес Анатолий Михайлович. – У меня есть кое-какие догадки относительно той истории, но хотелось бы услышать от вас, непосредственного участника событий, для чего понадобилась вся эта мистификация с Лениным, да еще и с Иисусом Христом?

– Прежде всего, хочу подчеркнуть, и об этом я уже говорил по телефону, что история не закончена, – неторопливо, картавя и растягивая слова, начал говорить Лагутин. – На мистификации с моим, увы, участием были заработаны огромные деньги. Я думаю, сотни миллиардов долларов, а может быть, и гораздо больше. Всю эту операцию возглавляли двенадцать человек. Это не проходимцы, а вполне адекватные люди, более того, – звезды, светила в разных областях науки, экономики, культуры. И цель их – вовсе не обогащение, а – не смейтесь, пожалуйста, – спасение человечества. Точнее, той его части, которая не согласна идти по воистину самоубийственному пути, на него толкают негласные правила игры, разработанные заговорщиками другого толка.

Он сделал паузу и спросил:

– Я понятно выражаюсь?

Сивцов кивнул головой, но не ограничился простым подтверждением, а попробовал разложить все по полочкам.

– Вы хотите сказать, что теория заговора вовсе не вымысел разгоряченных фантазеров, а реальность? – предположил он.

– Совершенно верно, – подхватил Всеволод Андреевич. – По поводу оппонентов моих бывших опекунов ничего сказать не могу. Хотя можно допустить, что речь идет либо о масо-

нах, либо о членах так называемого Бильдербергского клуба, либо о тех воротилах бизнеса, которые, так или иначе, владеют Федеральной резервной системой США и крупнейшими банками мира.

– Их поединок может стать смертельным для человечества? – задал прямой и самый существенный вопрос Сивцов.

– Боюсь, что это так. Поэтому, даже несмотря на определенную симпатию к моим апостолам, – Лагутин употребил именно это слово, – я и потревожил вас. Уверен, что эти люди обязательно установят контакт с вами и постараются перетянуть на свою сторону. И тогда можно попробовать переубедить их в том, что достижение поставленных целей не принесет человечеству счастья.

– А разве планы другого клана заговорщиков не опасны? – спросил следователь.

– Скажу вам честно, я много размышлял на тему будущего, – отозвался собеседник. Могу вкратце изложить свои мысли.

– Очень интересно, – сказал Сивцов. – Я готов их выслушать. Тем более, от настоящего, профессионального философа.

– Самый главный вывод, который я сделал, – начал Всеволод Андреевич, – гласит: значительная часть человечества уже сейчас лишняя, она не нужна. И чем интенсивнее станет развиваться техника, тем меньше будет требоваться людей для обслуживания системы жизнеобеспечения обитателей планеты. Но возникает вопрос: а зачем тогда нужны все эти миллиарды человеческих индивидуумов, проводящих жизнь в праздности? Он неизбежен еще и потому, что на поддержание существования всей этой массы тратятся огромные ресурсы, чаще всего не возобновляемые. И какой же выход? – спросил философ, впрочем, не рассчитывая на то, что собеседник поспешит ответить.

И когда убедился в том, что Сивцов и не думает прерывать его монолог, продолжил:

– С их точки зрения, следовало бы проредить человеческую «грядку», как это делают с всходами морковки.

Сивцов про себя положительно оценил это сравнение, подумав, что у бывшего Ленина наверняка есть дача с делянками самых разных культур.

– И что же? – спросил он. – Это уже началось?

– Да, но делается постепенно, чтобы не вызвать подозрений, – сказал Всеволод Андреевич. – Вы заметили, что содержание многих фильмов, книг, телепередач, разных текстов в Интернете стало, мягко говоря, туповатым? Вы же иногда смотрите фильмы?

Он дождался кивка головой собеседника и продолжил:

– Вам как следователю должно быть непонятно, почему, убегая от преследования, герои фильмов никогда не закрывают за собой дверей? Не иначе, как они хотят помочь противникам найти себя. Но это же глупость! И, что странно, с течением времени все меньше людей реагирует на такие и многие другие несуразности. В средствах массовой информации вообще перестали приводить какие-либо доказательства навязываемой читателям и зрителям точки зрения. И оказалось, что глупость публики, ее неспособность что-либо анализировать достигла такой степени, что она с удовольствием верит всему тому, чем ее потчуют.

– Отупевшим стадом проще управлять? – забегаю вперед, спросил Сивцов.

– Его проще вести на убой! – жестко произнес Лагутин и продолжил с все возрастающим пафосом, более уместным на трибуне во время митинга или университетской кафедре при чтении лекции: – Мы видим прямое уничтожение населения с помощью наркотиков, часть которых во многих странах уже легализирована. Мы наблюдаем появление все новых видов вирусов. Пока они играют роль пробных шаров, чтобы приучить человечество к мысли, что оно может оказаться незащищенным перед лицом микроскопических «терминаторов». Мы отмечаем настойчивую пропаганду нетрадиционных браков, в которых по определению не может быть детей, а это рано или поздно приведет к сокращению популяции людей во всем мире.

Способов достичь этой поистине дьявольской цели становится все больше. Одно из последних – склонение подростков к суициду, что сейчас набирает все большие обороты в социальных сетях. Хотя в арсенале «косцов смерти» остаются и старые, как мир, средства, такие как война и геноцид. Все это мы прекрасно видим на примере Ближнего Востока, где уже погибли миллионы людей. А те, которые стали беженцами и «приглашены» в Европу, рано или поздно будут «утилизированы» теми способами, о которых я говорил выше. Для этого их и оторвали от родной земли, традиций, которые могли бы противостоять сатанинскому прореживанию.

Следователь с восхищением выслушал монолог философа и уже не пытался прервать его. После довольно длительной паузы он сказал:

– Всеволод Андреевич, ваш анализ – просто блестящий. И все же я пока не знаю, что лучше – постепенное «выкашивание» людских масс или спровоцированный противостоянием двух сил взрыв, способный уничтожить все человечество?

6.

На следующий день Анатолий Михайлович вышел на работу. После реорганизации Генеральной прокуратуры было само собой разумеющимся, что он «автоматом» будет переведен в Следственный комитет: как-никак Сивцов был одним из ведущих и наиболее успешных сыщиков. Он не слыл карьеристом, и это облегчило задачу «верхов» нового органа, которым, как и везде, прежде всего, нужно было поставить на руководящие должности преданных им сотрудников. Все шло по цепочке: вышестоящий начальник подыскивал себе подчиненных, облеченных меньшей властью, те – своих «вассалов» и так до самого низу.

Анатолий, отличавшийся независимостью взглядов и, с точки зрения приверженцев иерархического стиля управления, неприемлемой чертой – дерзостью, проявлявшейся в спорах с начальством, не подходил на роль руководителя. Да он и сам бы отказался, предложи ему начальство более или менее высокую должность. Поэтому он с облегчением и даже радостью расписался под приказом, назначавшим его старшим следователем по особо важным делам при самом главном шефе. Так звучала его должность и раньше – в Генеральной прокуратуре, только босс именовался иначе. Так что в работе Сивцова практически ничего не изменилось – все самые сложные и запутанные дела оказывались в его полном распоряжении.

По-иному сложилась судьба его друга Юрия Куркова, который, не без настойчивых увещаний супруги, остался в прокуратуре и даже получил за верность родной конторе небольшой отдел.

Ленивый летний зной, которому добавляли жару легкие дуновения горячего ветерка, – казалось, что это колышущиеся веники деревьев гонят пар, – видимо, утомил и злоумышленников всех мастей. Никаких срочных заданий, ориентировок, указаний и поручений, с которых обычно начинался день, не появлялось.

В кабинете было настоящее пекло, но Сивцов, хоть и обливался потом, кондиционер не включал: уже был научен горьким опытом. Сев за компьютер, он решил обобщить информацию, полученную от Лагутина. Как всегда, стал составлять таблицу, которая заняла почти весь экран. В ней евангельскому апостолу соответствовал его «потомок» из настоящего времени: Иоанну – Иван Иванович, Матфею – Матвей Павлович, Варфоломею – Валерий Владимирович. Двое Иаковых, по Евангелию – Заведеев и Алфеев – значились как Яков Захарович и Якуб Алексеевич. Насколько было возможно, указывалась профессия, а также отличительные черты апостола.

«Интересная компания, – подумал Анатолий. – Не факт, что их имена настоящие. Вполне возможно, что они уже не Иваны и Федоры, а Джоны и Теодоры. Да и по имеющимся отличительным признакам найти их нереально. Впрочем, какой смысл в таких поисках?»

Он не успел углубиться в этот вопрос – позвонили из приемной.

– Анатолий Михайлович, здравствуйте! – раздался хорошо поставленный голос секретарши, будто она окончила курсы дикторов. – Вас вызывает председатель.

В отличие от прежнего шефа, имевшего громогласный бас и привычку обращаться к подчиненным на «ты», новый руководитель никогда не фамильярничал, говорил мягко, но от этого его слова приобретали особую весомость и убедительность, будто было само собой разумеющимся, что его собеседники разделяют такую же точку зрения. Тепло поздоровавшись с Сивцовым, председатель внимательно оценил его взглядом и сказал:

– Плохо выглядите, коллега! Я понимаю, что болезнь – вещь непредсказуемая, но здоровье надо поберечь!

– Да это пустяки, Иван Александрович, банальная простуда, – отозвался следователь. – Не подружился еще с кондиционером.

– Я думаю, дело не только в простуде, – произнес председатель. – Я доволен вашей работой, вы настоящий профессионал. Но в отпуске не были ни разу с момента основания комитета. Это неправильно, Анатолий Михайлович. Помните, как говаривал Дзержинский: у чекиста должна быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки. А я, пусть простит он меня за дерзость, добавлю: и крепкое здоровье! Иначе нам не справиться с нашей сложной работой. Не примите за насилие, но я издаю приказ о вашем отпуске с завтрашнего дня. Тем более что пока никаких серьезных дел нет. Возражения не принимаются! Да, кстати, у нас есть горящая путевка в сочинский санаторий. Поезжайте, наберитесь сил и новых впечатлений.

Сивцов отметил про себя, что во взгляде шефа была какая-то хитринка.

«Наверное, – подумал он, – весь сыр-бор разгорелся как раз из-за этой путевки, от которой кто-то из начальства вынужден был отказаться, и теперь ее требовалось пристроить».

«Ну, уж нет», – мысленно возразил он, а вслух сказал:

– Иван Александрович, увольте! На отпуск вынужден согласиться, а ехать в сочинскую парилку, извините, отказываюсь. Я плохо переношу жару, мне лучше прохлады. Если уж отдыхать, то в Сибири.

Произнеся это, он вспомнил одноклассника, который сразу после школы рванул покорять необъятные просторы за Уральским хребтом, да так и остался там. Долгие годы Анатолий ничего о нем не слышал, и только пару лет назад обнаружил приятеля в социальной сети. Они стали переписываться, беседовать по скайпу, и общение было приятным для обоих друзей. Генка Валков стал выдающимся нейрохирургом, хотя и в масштабах небольшого областного города. Он, не жалея красок, расписывал красоты нетронутой сибирской природы, слал сиреневые фотографии цветущего багульника, оранжевые – с морями жарков, красные и желтые – с буйством маков и, наконец, синие – с пятнами мохнатых цветков – ургук, как он их называл. На каждом сеансе связи Генка зазывал приятеля в этот удивительный край, не забыв упомянуть свое лесное «поместье» – бревенчатое зимовье, затерявшееся в пучине таежного океана.

– Конечно, вам виднее, где провести отпуск, – несколько разочарованно произнес председатель, возвращая Сивцова в душную московскую действительность. Услышав отказ подчиненного от санаторной путевки, он все же не стал менять решения об отпуске. – Сибирь так Сибирь. Главное, чтобы вы, Анатолий Михайлович, вернулись бодрым и готовым к новым свершениям.

На этом разговор был закончен. Через пару часов Анатолий подписал приказ, а вечером сообщил Генке Валкову о том, что принимает его предложение окунуться, как пелось в песне, в зеленое море тайги.

7.

После рождения сына Мария Ильинична долго колебалась, не зная, какое ему дать отчество. По негласной традиции все незаконнорожденные дети в ее семье значились в метриках Ильичами или Ильиничнами. Но в этот раз мама новорожденного всей душой восставала против его «незаконности»: ребенок, по ее глубокому убеждению, был зачат в любви и согласии. Другое дело, что жизнь перемешала все карты, и младенец остался без отца. Подспудно она чувствовала и свою вину, но, решившись однажды не коверкать судьбу партнера в их мимолетном союзе, не отступала от этой линии и в дальнейшем. Почти сразу же после приезда из Москвы в родную Казань Мария Ильинична сменила номер мобильного телефона и, не считывая ни на какую другую помощь, кроме матери, стала готовиться к рождению малыша.

Долгие и порой тяжелые раздумья все же привели к единственно правильному, на ее взгляд, решению: отступив от обычая, дать мальчику отчество настоящего отца. Так было получено Свидетельство о рождении Ульянова Владимира Анатольевича, в котором, однако, графа «отец» осталась незаполненной – данные родителя «мужеска пола» заменил длинный прочерк.

Растить младенца было на удивление легко: улыбчивый и спокойный мальчик будто предугадывал, чего хотят от него домашние: если спать, то он послушно закрывал глазки и предавался сну, если кушать, то и здесь не было никаких проблем – ел ребенок с аппетитом, никогда не выплевывал пищу и не плакал во время кормления.

Мария Ильинична вернулась на работу уже спустя полгода после рождения ребенка. Ее мать и дочь были настолько заботливыми няньками, что никто больше малышу и не требовался. Бабушка взяла на себя бытовую сторону воспитания, а старшая сестра всерьез взялась за его развитие.

Удивительная вещь получилась с играми. Мальчику еще не было года, когда Полина, учившаяся тогда в третьем классе, решила устроить для него «школу», где сама выступала в роли учительницы. Вовочка оказался очень благодарным и способным учеником. Он с удовольствием перебирал карточки с буквами, раскладывал их, и иногда у него – скорее всего, это было совершенно случайно – получались целые слова: крест, гора, дом, бог. Может быть, эти игры помогли мальчику рано заговорить: первое осмысленное слово – «знать» – он произнес в восемь месяцев, а к полутора годам паренек уже шпарил целыми предложениями. Полина относилась к этим успехам к результатам своих занятий, она сделала их постоянными, и братишка в два года с ее легкой руки уже начинал читать «Букварь». Правда, писать буквы у малыша еще не получалось: маленькая ручонка неуверенно держала карандаш, и даже палочки, которые нужно было вывести по заданию сестры, получались у него похожими на змейки.

Жизнь в этой семье двигалась своим чередом, и Мария Ильинична уже строила планы на отпуск, который она хотела провести с детьми. Они запрыгали от восторга, когда она сказала, что они одиннадцать дней будут путешествовать по Волге, увидят много интересных городов и даже столицу России – Москву.

Дети начали основательно готовиться к круизу – это слово им понравилось больше, чем «путешествие». Было в нем что-то от рокота волн, свиста ветра и крика чаек. Выросшие на Волге, они отлично знали, какой прекрасной бывает эта великая река летом. Они померили прошлогодние пляжные костюмы, и почти все пришлось забраковать: за ростом детей одежда никогда не могла угнаться. Полина своим ровным круглым почерком написала целый список того, что нужно взять с собой на теплоход. Она проследила, чтобы мама положила этот важный листочек в сумку и при случае купила все, что было указано.

До отъезда оставалось чуть больше недели: ее Мария Ильинична хотела посвятить сборам, заблаговременно взяв отпуск. В последний день работы, в пятницу, она решила заехать в

крупный торговый центр и купить все необходимое. Предполагалось, что туда же приедут на метро бабушка с внуками – всего-то один перегон от станции до станции.

8.

Вовочка, затеявший после обеда игру в солдатики, вдруг смел все стоящие перед ним фигурки и стал быстро-быстро произносить подряд одно слово: «Нет-нет-нет-нет!» Полина, посмотрев на брата, закричала:

– Бабушка! Что-то с Вовой! Иди, посмотри! Он, наверное, заболел!

И в самом деле, лицо мальчика покраснело, он, тяжело дыша, продолжал выкрикивать свое «нет». Бабушка прикоснулась губами к его лбу, заохала и попросила Полину отнести ребенка в спальню и положить на кровать.

Справившись вдвоем с этим делом, они присели на краешек матраса и стали уговаривать мальчика успокоиться.

– Вовочка, все хорошо, не волнуйся! – спокойно и размеренно произнесла бабушка.

Ребенок посмотрел на нее, потом на Полину помутневшими глазами и сказал:

– Нельзя! Будет несчастье!

– Что нельзя, Вова? – спросила сестра.

– Ехать нельзя, плохо! – каким-то отрешенным голосом отозвался брат.

– Успокойся, милый! – ласково проговорила бабушка. – Не поедем. Постарайся уснуть. Давай, я тебе песенку спою.

Она придвинулась ближе к внуку и, покачивая его, затянула древнюю колыбельную про курочку-сестрицу и братца-петушка, который, нарушив запрет, пошел кататься на коньках на речку, провалился под лед, и его еле спасли.

Володя еще несколько раз попытался что-то сказать про маму, но, обессиленный, сдался и уснул.

– Полинушка, – обратилась бабушка к внучке, – ты посиди с ним. Я уже одна, наверное, поеду к маме, куда с ним?! Заодно и лекарства куплю.

Полина, которой не раз приходилось оставаться с братом, возражать не стала, хотя ей очень хотелось самой выбрать в магазине себе обновки. Она только сказала бабушке:

– Бабуля, я маме говорила, но, может, она забыла. Мне так хочется отдельный купальник и чтоб был красного цвета.

– Хорошо, купим! – обнадежила пожилая женщина и стала собираться. До встречи с дочерью оставалось еще достаточно времени, можно было не торопиться, но она решила перед этим заглянуть в аптеку на первом этаже торгового центра.

9.

Объятия встретившей Анатолия Сибири оказались не менее жаркими, чем кольцо потных рук Москвы при прощании. Городок, будто дайвер, нырнувший когда-то в котловину между сопками, да так и оставшийся там, был окутан знойной дымкой. Одна из возвышенностей с выжженной солнцем бурой травой напоминала голову лысого человека, который в полном соответствии с современными реалиями, без тени смущения, демонстрировал ее окружающим. В противоположной стороне поднималась более рослая сопка, бросающая вызов своей визави не только крупными размерами, но и темно-зеленой шевелюрой из сплошного соснового леса.

За день Сивцов с приятелем объехали на машине весь город, время от времени останавливаясь у немногочисленных местных достопримечательностей. Больше всего ему приглянулись два старинных деревянных здания – церкви, в которой венчались сосланные в этой край

декабристы, и почты, напоминавшей сказочный теремок. Если бы не пролезающая во все щели вездесущая реклама, то Анатолий мог подумать, что он попал в прошлое – эдак на четыре десятилетия назад. Правда, фасады запленивших город пятиэтажек были изрядно обшарпаны, чего не наблюдалось в те далекие времена. На некоторых были даже проломлены свесы крыш, будто они долгое время находились в осаде.

«Какой же неприятель так обошелся с городом? – подумал Сивцов и сам же дал себе ответ. – Свой внутренний враг, ненасытные в жадности местные царьки».

Генка, почувствовав разочарование приятеля, поспешил исправить ситуацию:

– В городе делать нам нечего. Завтра полетим в тайгу.

– Полетим? – удивился Анатолий.

– А по-другому в зимовье не доберемся, только вертолетом, – ответил Валков.

– Это что же, туда рейс организован? – иронично поинтересовался следователь.

– Толик, не будь наивным, – засмеялся друг. – Ты же понимаешь, я здесь не последний человек, да и ты – важная персона. А у нас все просто: нужна «вертушка» – дадут. Я все припасы подготовил, они на аэродроме. Утром полетим. Полтора часа – и мы на месте. Только учти: я даже приемник брать не буду, чтобы не нарушать нашего единения с природой! А через пару недель, ну, может, немного больше, как получится у авиаторов, нас заберут. На крайний случай есть рация.

Анатолий не стал возражать, собственно, ради того, чтобы вырваться из цепких объятий цивилизации, которая стала его раздражать, он и приехал в этот глухой край.

Утром следующего дня они уже были в воздухе, вокруг колыхались волны бескрайнего таежного океана.

10.

Приближаясь к пятиэтажной громаде торгового центра, Мария Ильинична пожалела, что приехала сюда именно в этот день. Любые выражения типа «людской поток», «бурлящая масса», «непроходимая толпа» вполне можно было применить к той прорве народа, которая стремилась попасть к прилавкам многочисленных магазинов, сосредоточенных в этом бетонном, облицованном блестящими плитками здании.

Она уже знала о болезненном состоянии сына – об этом сообщила по телефону мать, предложив встретиться у аптеки. Сюда и пробиралась Мария Ильинична, надеясь побыстрее справиться с покупками и поехать к Вове. Неожиданно она почувствовала, как сползает с плеча ремешок сумки. Он, по-змеиному извиваясь, устремился вниз, лишившись груза, который еще недавно цепко держал. Голову прожгла догадка: «Сумку обрезали!».

Мария Ильинична обернулась и почти сразу обнаружила воровку: невысокого роста женщина, такая же, как и она, блондинка торопилась к выходу. Денег в сумке было немного, но там находилась банковская карточка с перечисленными отпускными и зарплатой, паспорт и путевки на круиз по Волге, которые она забрала только сегодня. От бессилия закружилась голова. Мария посмотрела вокруг себя, но нигде не обнаружили присутствия полицейских. Она бросилась вдогонку за воровкой, однако притискиваться через толпу, двигаясь против течения, было непросто. Какое-то время она видела впереди себя золотистую голову грабительницы, но потом на ее пути оказались высокие мужчины, заслонившие цель ее преследования.

И в тот момент, когда Мария Ильинична потеряла из виду воровку, спереди и сзади раздался взрыв. Они будто смяли ее голову, превратив тонкий блин, и это было последнее, что почувствовала маленькая женщина. Она не видела, как одна за другой рушились колонны, как машина конструкций верхнего этажа устремилась вниз, увлекая за собой людей, и, проломив пол, обрушилась на машины, стоявшие ровными рядами на подземной парковке. Проломы

зияли спереди и сзади от того места, где лежала на небольшом островке под единственной уцелевшей колонной Мария Ильинична Ульянова.

Она не подавала признаков жизни и не могла видеть, что творится вокруг нее. Люди, оказавшиеся в момент взрывов на верхних этажах, теснились вокруг поручней, пытаясь разглядеть подробности случившегося. Многие из тех, кто был на первом этаже, смогли выжить даже после того, как под ними проломился пол, и они провалились на парковку, упав на крыши машин и в пространство между ними. И все же жертв было очень много. Впереди, в тридцати шагах от того места, где лежала Мария Ильинична, под бетонной плитой покоилась с разможенной головой женщина, укрывшая сумку: она прижимала ее к груди, как любимого ребенка. А в ста метрах от уцелевшей колонны, рядом с полностью разрушенной аптекой лежала, опрокинувшись навзничь, пожилая женщина – мать Ульяновой. Железобетонный ригель обрушился сверху прямо ей на грудь и, придавив свою жертву, лишил ее дыхания.

В здании и вокруг него звучал леденящий кровь вой людской скорби, к которому через несколько минут присоединились рыдающие звуки сирен десятков машин «Скорой помощи», полиции, МЧС.

11.

Те, кто проплывал на теплоходе, катере или барже мимо живописного полуострова, образованного Волгой и одним из ее притоков, невольно завидовал расположившимся на изумрудной траве участникам пикника. Правда, внимательного наблюдателя могло насторожить полное отсутствие женщин, но в наше время это вряд ли можно считать чем-то необычным. Никаких подозрительных ассоциаций у большинства людей не вызвало бы и число собравшихся любителей природы – их было ровно двенадцать. И, наконец, если кто-нибудь открыл «страшную» тайну: мол, здесь собрались заговорщики, поставившие целью перекроить мир, ему в ответ обязательно покрутили бы пальцем у виска.

Эта тема как раз и была в центре внимания группы людей, сидевших прямо на земле вокруг парусиновой скатерти с яствами, причем меню не было богатым, оно ограничивалось бутербродами, кофе, чаем и минеральной водой.

– Я уверен, что опасения по поводу нашего разоблачения совершенно напрасны, – заметил элегантный мужчина с гладко зачесанными волосами, одетый в просторные льняные брюки и однотонную сероватую рубашку навыпуск. – Благодаря нашим так называемым коллегам теория заговора или конспирология полностью дискредитирована. Кто может обвинить нас в злых происках? – эту фразу оратор произнес с легким смешком. – Только такие же «подпольщики» из Бильдербергского клуба или тайные владельцы Федеральной резервной системы США. Но именно они сделали все возможное, чтобы убедить публику в невозможности осуществления в современном мире теории заговора. Ну а нам это только на пользу.

– Мне нравится ваш оптимизм, – вклинился в возникшую короткую паузу седовласый мужчина с живыми серыми глазами. – Но поскольку масштабы нашей деятельности постоянно расширяются, нам все же надо позаботиться о безопасности, чтобы мы смогли осуществить намеченное. И, в первую очередь, необходима тщательная проверка всех, кто примыкает к нашим рядам. Как у нас обстоит с этим дело, Матвей Павлович? – спросил он, обращаясь к предыдущему оратору.

– Иван Иванович, никто не будет спорить о том, что безопасность нужна, – ответил тот. – И, конечно, мы внимательно изучаем всех людей, кто увидел в нас единомышленников. Но смею вам напомнить о той огромной пропасти, что разделяет нас и заговорщиков из мировой элиты. У нас диаметрально противоположные цели. Если они стремятся сохранить и приумножить богатства, накопленные, а порой и награбленные небольшой кучкой людей, чаще всего безнравственных, то наша цель противоположна – помочь тем, кто ведет праведную жизнь. И

мы можем совершенно открыто говорить об этом – в такой с позволения сказать «заговор» никто не поверит.

– Простите, но все осложняется будущими возможными жертвами, – вмешался солидный мужчина с русой окладистой бородой, по центру которой пролегла седая полоса. – Мы уже не раз отмечали, что волны греха становятся все выше и не за горами тот час, когда человечество просто накроет целое цунами порока. И здесь роли могут поменяться. Недаром в Откровении Иоанна Богослова сказано, что поклонятся зверю все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца. Так что нас вполне могут обвинить в заговоре против, фигурально выражаясь, адских сил.

На несколько минут воцарилось молчание. Видно было, что собравшиеся готовы к любому повороту событий и, наверное, пошли бы ради того дела, которому служили, на плаху.

– Ладно, закончим эту дискуссию, – наконец произнес седовласый. – Говорил я все к тому, что нам нужно больше привлекать людей из силовых структур и создавать из них свои органы безопасности. ФСБ, прокуратура, Следственный комитет, полиция – везде должны быть преданные нашей идее люди. – Он замолчал, потом кивнул головой, как бы соглашаясь сам с собой, и продолжил: – А теперь давайте посмотрим, как обстоят наши дела. Первое – дискредитация войны как таковой. Есть успехи, Петр Сергеевич?

– Пока только начинаем, но уже первый опыт оказался успешным, – поспешил ответить мужчина средних лет в тельняшке, просвечивающейся сквозь тонкую белую сорочку. – Мы смогли внести искажение в программу управления военными беспилотниками. Пока резонанса не наблюдается, видимо, наши противники растерялись и не знают, что им делать.

– Ну что ж, у этого направления есть хорошие перспективы, – заключил Иван Иванович. – Современные военные действия немыслимы без электроники, а она, как мы смогли убедиться, очень уязвима.

Разговор шел еще около часа, участники этого совещания на открытом воздухе обсудили несколько других направлений воздействия на людей, чтобы помочь тем стать лучше. В конце зашел разговор, как было сформулировано, о способах убеждения народных масс в необходимости праведной жизни.

– Все как будто бы идет неплохо, – заметил все тот же человек с внешностью священника, каковым он, впрочем, и являлся. – Но наша работа стала бы эффективнее во сто крат, если бы у нас появился пророк.

Окружающие переглянулись.

– Что вы имеете в виду, Андрей Сергеевич, – живо поинтересовался седовласый лидер.

– Кого-нибудь вроде наследника Ванги, – не совсем решительно ответил бородастый.

– А это возможно? – снова спросил Иван Иванович.

– Пока не знаю, – отозвался священник. – Но, как говорится, ищите и обрящите.

12.

Володя заплакал и проснулся. Он медленно спустил с кровати ноги и поплелся на кухню. Шел он, как маленький старичок, почти не отрывая от пола ступней.

– Вовочка, как ты? – заботливо спросила Полина, перебивавшая, сидя за столом, гречку. – Болит что-нибудь?

Мальчик будто не слышал ее вопросов, в глазах его читалась боль.

– Где бабушка и мама? – протяжно произнес он.

– Ты же знаешь, они в магазине, – отозвалась Полина. – Давай им позвоним.

– Давай, – согласился Володя.

Полина коснулась пальцем фотографии матери на экране телефона, но ответа после нескольких длинных гудков не дождалась. Казенный голос предложил оставить сообщение.

Девочка сбросила звонок и вызвала бабушку. На этот раз даже не прозвучало гудков – тот же бездушный голос сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне действия сети.

– Что там, Поля? – спросил брат.

– Не знаю, почему-то не отвечают, – сказала сестра.

Володя стал заметно волноваться. Как и перед сном, его лицо покраснело, и он опять заплакал.

– Где они, где они, где они, где они, – не переставая повторял он.

– Не плачь, милый! – стала утешать мальчика Полина. Она обняла его, прижала к себе и стала гладить по белокурой голове. – Они вернутся, обязательно вернутся! Давай готовить ужин, мама с бабушкой приедут, и мы все вместе поедем.

Девочка залила крупу водой и поставила на огонь. Она многому научилась у бабушки и, наверное, смогла бы вести хозяйство самостоятельно, обеспечивая питанием себя и брата.

Володя принес карандаши и бумагу, пристроился за столом и стал рисовать. Сначала он захотел изобразить реку и теплоход, на котором они поплывут в круиз. Но почему-то вместо этого у него получалось какое-то поле битвы с взрывами, дымами, схематичными фигурками бегущих людей.

Полина еще несколько раз набрала номера телефонов мамы и бабушки, но результат был такой же, как и раньше. Она с трудом сдерживалась от слез, все время думая о том, как ее плач отразится на брате. Но, в конце концов, девочка не выдержала, слезы прорвали искусственно созданную ею плотину и полились в два бурных ручья по щекам. Во весь голос сразу же заревел и Володя. Они снова обнялись и громко заплакали. На какое-то время от слез их отвлек стук крышки на кастрюле, где варилась гречка. Полина убавила огонь и зарыдала с новой силой.

Они плакали до изнеможения, уже не хотелось сварившейся и даже немного подгоревшей каши, не было желания ни рисовать, ни читать, ни смотреть телевизор. Все в душах детей наполнила безутешная, щемящая тоска, у которой не было ни конца, ни края.

В какой-то момент Полина, снова почувствовавшая себя старшей, отвела Володю на диван, где дети, продолжая утирать слезы, незаметно уснули.

Утром никто не подошел к сестре и брату, чтобы ласково разбудить их, поцеловать. Так всегда делали мама и бабушка, и каждое утро от этого становилось радостным. Да и называли старшие Ульяновы детей только нежными именами: Полюшка и Володюшка.

Первым проснулся Володя. Он сразу же побежал в спальню, где обычно коротали ночи мама и ее дети. Там никого не было. Пустой оказалась и маленькая комнатка бабушки. Мальчик обошел всю квартиру, но тщетно: никаких следов присутствия родных. Он вернулся в гостиную и стал тормошить сестру:

– Полечка, вставай! Они потерялись! – последнее слово показалось ему наиболее уместным.

Полина сразу же поднялась. Какое-то время она пыталась убедить себя, что потеря близких людей – это всего лишь жуткий сон, не имеющий ничего общего с действительностью. Но постепенно до нее дошел смысл слов брата, она как-то обмякла, вдруг осознав, что случилось что-то страшное. Девочка даже боялась думать о том, что конкретно могло произойти с их родными.

– О господи, что же теперь будет? – она выдохнула так, как это сделала бы бабушка.

– Нам надо их найти! – неожиданно твердо произнес Володя.

Полина в душе согласилась с ним, но никак не могла придумать, что же им надо делать. К сожалению, их семья вела довольно замкнутый образ жизни, поэтому девочка даже не знала, можно ли обратиться к кому-то из соседей. Да и что они могут сказать о тех, с кем только здороваются в лифте или у подъезда?

«Надо позвонить в полицию!» – наконец решила она и поделилась этой мыслью с братом.

– Конечно! – сказал он. – Они должны нам помочь!

Но Полина боялась, что в полиции ее никто не станет слушать, мало ли детей балуется, придумывая всякие истории. Бабушка рассказывала ей, как родителей наказали за шалости детей, позвонивших в участок и сообщивших о том, что их школа заминирована. Может, и сейчас полицейские ее для начала просто отчитают, а потом еще и оштрафуют маму, да и в школе расскажут о ее проделке.

Она долго не решалась подойти к телефону, хотя Володя жалобно просил ее об этом и даже сам хотел позвонить, но не знал номера.

Время шло, дети проголодались и решили поесть. Гречневая каша пришлась как нельзя кстати, ее Полина дополнила вареными сосисками и огурцами – каждый она разрезала пополам, посолила и потерла половинки друг о друга.

Еда прибавила им сил и решимости начать поиски пропавших родных. Сестра подошла к телефону, набрала цифры 102 и с замиранием сердца стала ждать, когда гудки сменит голос.

– Дежурный слушает! – вырвалось из трубки. У Полины чуть сердце не вырвалось из груди, она не могла не то, что говорить, но даже дышать.

Наконец, после того, как дежурный предложил хоть что-нибудь сказать, девочка тоненько пролепетала:

– У нас пропали... – тут ее голос оборвался от страха, что ее сейчас начнут ругать.

Дежурный неожиданно серьезно отнесся к словам девочки, он не стал ее отчитывать, а наоборот, как-то по-отечески тепло сказал:

– Не волнуйся, милая! Скажи мне, кто пропал, и я тебе обещаю, что мы сразу же начнем искать!

Полина немного успокоилась и хотя несколько сбивчиво, но все же рассказала полицейскому о том, что мама и бабушка не возвращаются домой со вчерашнего дня, а она с братом не знает, что и подумать.

– Значит, они пошли в торговый центр? – переспросил дежурный, и его голос заметно погрузнел. – Продиктуй мне свой домашний адрес, как зовут маму и бабушку, тебя и брата, а мы обязательно что-нибудь придумаем. Только не выходите, пожалуйста, никуда из дома и не открывайте двери никому, кроме полиции!

Девочка передала нужные сведения, пообещала быть бдительной, попрощалась с дежурным и положила трубку.

Теперь ей и Володе оставалось только ждать, когда приедут дяденьки из полиции и расскажут, что же случилось со старшими Ульяновыми.

Но страшная правда раскрылась детям гораздо раньше. Брат включил телевизор, надеясь найти мультики, и сразу же перед ребятами открылась картинка из «Новостей»: полуразрушенное здание торгового центра, вой сирен, санитары, выносящие из здания на носилках людей, механизмы, расчищающие завалы.

– Я знал, я знал, я знал, я знал, – опять начал повторять одни и те же слова Володя.

Полина уткнулась в подушку и истошно завывала.

13.

Всю последующую часть дня дети пребывали в состоянии почти полной отрешенности от происходящих событий. Включился древний механизм самосохранения, который не давал скорби полностью поглотить души и тела маленьких людей.

Правда, время от времени Володя, встрепенувшись, начинал повторять:

– Мама жива, мама жива, мама жива, мама жива.

А Полина, поддерживая брата, вторила ему:

– Конечно, милый! Конечно, милый! Конечно, милый! Конечно, милый!

Через два часа после разговора с дежурным полицейским в дверь позвонила тетенька в форме – это Полина увидела в глазок. Она впустила гостью, но с ней оказалось еще три человека – две женщины и один пожилой мужчина.

– Ребятки, меня зовут Галина Михайловна, я из подразделения по делам несовершеннолетних, – начала особа в форме. – Со мной сотрудница отдела опеки и попечительства вашего района, представитель организации для детей-сирот и двое понятых.

Дети ничего не поняли из адресованных им слов, да полицейская этого и не добивалась, она просто выполняла формальную процедуру представления членов комиссии.

– Мне очень жаль, – продолжила женщина в форме, – но пока ваших родных мы найти не смогли. Но вы же понимаете, что одни не сможете прожить даже два дня.

– Почему? – робко спросила девочка. – Я умею готовить и стирать, мы как-нибудь продержимся несколько дней, пока вы не отыщете маму с бабушкой.

Полицейская заглянула в бумаги, находившиеся в папке из тонкого картона и как можно ласковее сказала:

– Нет, Полина, мы не можем оставить вас одних. Это очень опасно! А вдруг пожар?! Как вы будете спасаться? Или бандиты, узнав, что вы одни дома, нападут? Разве вы с ними справитесь? Поэтому мы определим вас в хорошее место, где много других деток. Там вы будете накормлены и присмотрены. А если найдутся ваши родные, они сразу же заберут вас.

– Мы все равно не хотим! – твердо заявил Володя.

Женщина в форме снова посмотрела в документы и достаточно жестко произнесла:

– За вас отвечает государство, и оно будет решать, где проживать детям, потерявшим родителей. Так что давайте больше не будем попусту тратить время, а найдем ваши документы, соберем необходимые на первое время вещи и поедем в детский дом. О квартире не беспокойтесь, мы ее опечатаем, и никто сюда не войдет.

Детям пришлось, хоть и с большим внутренним сопротивлением, подчиниться. Особенно после того, как им предъявили акт с печатями и подписями, в котором было написано, что Полина и Володя Ульяновы временно направляются в организацию для детей-сирот. Полина даже стала объяснять брату:

– Вовочка, здесь же написано – «временно», а это значит, что не навсегда. Так что ты не волнуйся.

Она попросила тетеньку в форме пообещать, что ее и брата не разлучат, и та дала слово, что так и будет.

14.

Полина представляла себе, что детский дом будет подобием школы, только со спальнями. Ее пугало, что они с братом, привыкшие к спокойной, размеренной жизни в лоне семьи, потеряются в огромной толпе кричащей, бегающей, дерущейся ребятни. Причем, слово «потеряются» означало для нее и разлуку с Володей, и то состояние, когда на них будут смотреть, как на чужаков, которые всем безразличны. «Кому мы там будем нужны? – думала девочка, с трудом сдерживая слезы.

Ее маленький брат, побледневший и осунувшийся, ни с кем, даже с ней не разговаривал. Он, казалось, нашел какую-то иную реальность, где блуждала его душа, а тело оставалось в этом мире в качестве заложника – бесстрастного и отрешенного.

К удивлению Полины детский дом оказался небольшим, раскрашенным солнечной краской двухэтажным зданием в середине квартала. Его окружали высокие ели и березы, на довольно обширной территории были разбиты клумбы с красивыми цветами, построен детский городок со сказочными домиками, беседками, качелями-каруселями и горками.

Детей еще во дворе встретила женщина-директор, очень похожая, как отметила Полина, на их маму: у нее была такая же прическа и золотистый цвет волос. От этого сходства девочка даже задрожала, и слезы заструились из ее глаз.

Тетенька шагнула навстречу, обняла детей, прижала их к себе и мягким голосом пропела:

– Детки вы мои, детки, поплачьте! Что же теперь делать?! Так бывает в жизни, надо пережить. Мы все постараемся, чтобы вам было здесь хорошо. Обещаю: никто вас не обидит.

Пятясь и продолжая обнимать ребят, она завела их внутрь и только там, плавно освободившись от объятий и встав рядом, сказала:

– Видите, как у нас красиво!

Дети поневоле осмотрелись. На стенах нежного кремового цвета висели детские рисунки, большие рамы с фотографиями, на которых были запечатлены улыбающиеся и смеющиеся ребячьи физиономии.

Полина вспомнила о своем страхе и робко спросила:

– А школа у вас прямо здесь?

Хозяйка детдома улыбнулась и развеяла сомнения своей маленькой собеседницы:

– Нет, наши дети ходят в обычную школу, она рядом, даже через дорогу переходить не надо. Но у нас учеников не очень много – всего десять человек из тридцати воспитанников. Остальные еще не доросли.

У девочки на душе стало немного легче. Но чувствуя почти материнскую ответственность за брата, она решила задать еще один важный вопрос:

– А где мы будем спать?

– Не беспокойся, Полечка, – приветливо пропела директриса. – У вас будет своя комната, только для двоих. Пойдемте, посмотрим.

Они поднялись на второй этаж, хозяйка открыла дверь с номером «5», и дети не без опаски вошли в комнату. Там стояли две новые аккуратно застеленные кровати, небольшой шкаф для одежды, два стола: один с установленными на нем книжными полками – для занятий, второй, с большим зеркалом-трельяжем, прикрепленным к стороне, примыкающей к стене, – для того, чтобы можно было привести себя в порядок. Полине это очень понравилось, она даже предположила, что и в их квартире можно было бы оборудовать что-то похожее. «Только бы мама с бабушкой нашлись!» – подумала она.

Володя, все время остававшийся безучастным, вдруг капризно заныл:

– Я хочу спать!

– Конечно, конечно, – согласилась хозяйка. – Располагайтесь, отдохните. Через два часа ужин. За вами придет ваша воспитательница, ее зовут Амина Гильфановна.

Она подумала, что не стоит загружать память ребят еще и своими именем и отчеством, и тихонько закрыв дверь, ушла.

15.

Дети потихоньку привыкали к своему новому пристанищу, насколько это было возможно сделать за два дня. Володя немного смягчился, хотя сторонился других ребят. Зато с воспитательницей он подружился сразу. Он завоевал ее симпатию тем, что не мямля и без ошибок стал обращаться к ней по имени-отчеству.

– Надо же, такой кроха и так четко говорит, – удивлялась Амина Гильфановна, рассказывая о новом воспитаннике своим подружкам.

В еще большее изумление вверх ее Володя заявил, что он хочет записаться в шахматный кружок.

– А ты играл когда-нибудь? – недоверчиво спросила она.

– Пока нет, но очень хочу научиться, – ответил не по возрасту серьезный мальчик.

И хотя воспитательница была уверена, что ничего путного из этой затеи не выйдет, – поиграет ребенок фигурками, а потом ему надоест, – все же отвела его к шахматисту, который уже учил древней игре троих мальчиков, младшему из которых было девять лет.

На третий день детдомовской жизни брата и сестры, когда дети, выйдя на утреннюю прогулку, играли во дворе, к воротам подъехала «Волга», из которой вышел седой худощавый мужчина и сразу направился в кабинет директора.

– Следователь Тихомиров, – поздоровавшись, представился он и добавил, – я вам звонил.

– Прошу вас, будьте поделикатнее с ребятами, – ответив на приветствие, сказала хозяйка приюта. – Они еще верят, что родные найдутся.

– Мы сделаем все возможное, чтобы не нанести травму, – заверил гость. – Возьмем только девочку, брат еще слишком мал. Но вы же понимаете, что этой процедуры не избежать?

Директриса кивнула, вызвала сотрудницу, и вскоре та вернулась, держа за руку Полину.

– Полечка, – ласково обратилась к девочке хозяйка, – этот дядя – следователь, он ищет твоих родных и хочет, чтобы ты поехала с ним и помогла узнать, нет ли среди найденных им людей мамы и бабушки? Скажи Вове, что ты вернешься к обеду, чтобы он не беспокоился.

Девочка насторожилась, но не решилась задать главный вопрос дяде, который показался ей очень строгим на вид.

– Хорошо, – согласилась она, чувствуя легкую дрожь в коленях.

– С тобой поедет Амина Гильфановна, – добавила директриса. – Если тебе не понравится, как с тобой обходятся, сразу говори ей.

В машине воспитательница, чтобы отвлечь Полину от мрачных предчувствий, расспрашивала ее об успехах в школе, о подругах, любимых занятиях. Вскоре автомобиль остановился у неприметного одноэтажного здания, выкрашенного в серый цвет.

Дождавшись, пока девочку, которая явно не хотела выходить, вынесет воспитательница – той для этого пришлось прижать ребенка к груди, следователь сказал:

– Ты же уже взрослая и должна понять, что в жизни может случиться всякое. У нас есть две умершие тети, и мы хотим убедиться, твои ли это родные?

Полина задрожала всем телом, и воспитательница, подняв руку, сделала предупреждающий жест следователю – мол, полегче!

Тот, понимая деликатность ситуации, сбавил обороты:

– Но может оказаться, что это совершенно чужие люди. И ты нам об этом скажешь. Хорошо?

Полина, с трудом сдерживая слезы и все еще прерывисто дыша, кивнула.

Следователь объяснил девочке, что ей не нужно будет подходить к телам, достаточно просто посмотреть сквозь специальное окно, к которому подвезут тележки. Он не стал употреблять слово «каталки», боясь, что ребенок не поймет его значения.

В небольшой комнате, где царил полумрак, уже было четыре человека: мужчина и женщина в белых халатах – судмедэксперт и врач-педиатр, немного в стороне стояла пара в обычной одежде – понятые.

Девочку подвели к темному окну со сплошным, без переплетов, стеклом. Сквозь него ничего нельзя было рассмотреть, и эта пугающая неизвестность вызвала у ребенка такой приступ дрожи, что у нее застучали зубы.

– Начинайте! – скомандовал следователь.

За прозрачной преградой вспыхнул яркий свет, и Полина увидела две тележки, укрытые белыми простынями. Под ними были длинные холмики, похожие на уложенные в ряд мешки, но девочка боялась даже думать о том, что скрывается под покрывами. Край одного из полотнищ немного задрался вверх, и из-под него свисал золотистый локон волос.

Грузный мужчина в застиранном халате взялся за другую каталку и подвез ее к окну. Она стояла буквально в полуметре от Полины.

Следователь, внимательно посмотрел на девочку, которая, не отрываясь, вглядывалась в вырвавшуюся на свободу прядь и шептала:

– Мама, мамочка...

Он погладил ребенка по голове и приказал:

– Открывайте!

Мужчина по ту сторону окна приоткрыл лицо лежащего на каталке трупа.

Полина вытянулась, как струна, и пронзительно закричала:

– Бабушка, бабуля!

Струна, державшая ее, вдруг лопнула, девочка стала оседать, и если бы воспитательница не подхватила ее на руки, Полина упала бы на бетонный пол.

Женщина-врач окриком остановила следователя, тот махнул рукой, свет за стеклом погас, а в комнате, где находилась группа людей, зажегся.

– Обморок, – констатировала педиатр. Вместе с воспитательницей они подняли ребенка и отнесли в другое помещение, где уложили на кушетку.

Полина уже не слышала разговора людей, оставшихся в первой комнате.

– Нет никаких сомнений, что ребенок опознал труп своей бабушки, Ульяновой Ольги Ильиничны, – констатировал следователь и, получив согласие судмедэксперта и понятых, резюмировал: – Так и запишем в протоколе.

– Теперь по поводу второго трупа, – продолжил он. – Думаю, в сложившихся обстоятельствах предъявлять его для опознания не имеет смысла.

– Это было бы изуверством! – неожиданно вмешалась женщина из пары понятых. – Мне показалось, что девочка узнала волосы второй женщины. Так можно говорить? – смутившись, что сказала что-то несуразное, спросила она.

Ее вопрос остался без ответа, зато второй понятой – мужчина в очках – подтвердил смысл сказанного:

– Я слышал, как она шептала: «Мама, мамочка!»

– Это можно считать косвенным признаком опознания, – согласился следователь. – К тому же процедура предъявления трупа женщины вряд ли оказалась бы результативной. Правильно? – спросил он у судмедэксперта.

– Согласен, – отозвался тот. – Ее лицо обезображено до такой степени, что при всем желании мы не смогли бы восстановить его черты. Осталась только шевелюра.

– Я все же думаю, что нам следует внести в протокол то обстоятельство, что девочка узнала свою мать, – осторожно предложил следователь. – Тем более что у нас есть все основания считать труп женщины идентифицированным с личностью Ульяновой Марии Ильиничны. В ее руках находилась сумочка паспортом, а это – стопроцентное доказательство.

Понятые и судмедэксперт согласились с такими аргументами и без задержек подписали протокол. Мария Ильинична и Ольга Ильинична Ульяновы были признаны погибшими при взрыве в торговом центре.

16.

Знакомясь с затерянным в тайге хозяйством приятеля, Анатолий был потрясен. На большой поляне, окруженной вековыми соснами, высился добротный бревенчатый дом с мансардой, вокруг был разбит внушительных размеров огород с цветущими лиловыми букетиками картошки, зелеными зонтиками укропа, перьями лука, чеснока, ажурными метелками морковки и еще десятком других овощей. По периметру участка высились трехметровые столбы, увитые колючей проволокой.

На вершине самой высокой сосны был закреплен ветряк, лопасти которого лениво, но беспрестанно крутились, вырабатывая, как объяснил Валков, электричество. Для той же цели служили панели солнечных батарей, установленные на скатах крыши.

Не было ничего удивительного в том, что в доме исправно работали электроприборы. В холодильник Генка сразу же отправил скоропортящуюся снедь, доставленную с «большой земли». Рядом стоял большой морозильник-ларь.

Заметив недоуменный взгляд товарища, Валков объяснил:

– Мясо придется добывать самим, здесь и будем его хранить, ведь не каждый же день ходить на охоту, да и зверей жалко!

– Обойдя владения друга, Сивцов воскликнул:

– Какое же это зимовье?! Это просто барская усадьба!

Генка хитро усмехнулся и горделиво заметил:

– Ты еще моего подвала не видел!

Чтобы попасть туда, потребовалось открыть вмонтированную в бетонный цоколь тяжелую дверь, о которой Анатолий подумал, что она такая же, как в бомбоубежищах. Впрочем, то, что Валков называл подвалом, оказалось настоящим бункером – туда вело несколько десятков ступеней. Когда они закончились, перед друзьями снова оказалась дверь, ничем не уступающая по массивности наружной.

Наконец, они очутились в самом «подвале». Это было огромное, сравнимое с размерами всего участка, помещение с бетонными стенами, разделенное на несколько отсеков. В одном размещалась система жизнеобеспечения с насосами, компрессорами, многочисленными приборами с красными и черными стрелками. Было также что-то вроде зала с рядами мягких кресел, несколько спален, обширная кухня, комнаты, предназначенные для каких-то занятий.

– Зачем тебе все это? – удивленно поинтересовался Анатолий.

– Как тебе сказать? – неуверенно начал Генка. – Это наш первый опыт, здесь отрабатывался проект автономного существования. – Он сделал паузу и, предупреждая вопрос следователя, заметил: – В общем, я не один это строил.

Сивцов подумал, что он мало что знает о жизни одноклассника. В переписке и разговорах по скайпу тот рассказывал, что несколько лет назад у него умерла жена, и он, подняв на ноги всю областную медицину, не смог ей помочь. Дети разъехались: дочь поселилась в Краснодарском крае, сын – в Приморском. Чем занимался Валков кроме своей нейрохирургии, Анатолий даже не догадывался. И тут – такой сюрприз!

Но будучи человеком деликатным, Анатолий не стал расспрашивать друга о подоплеке рождения чудо-усадьбы посреди тайги. «Надо будет – сам расскажет», – подумал он, предчувствуя, что это произойдет довольно скоро.

Генка оценил тактичность московского следователя, он решил не продолжать оборвавшийся на сомнительной ноте разговор, предложив подняться наверх и ознакомиться с окрестностями.

По пути, еще в бункере, остановились у комнаты с железной дверью, откуда Валков вынес два карабина – «Тигр» и «Вепрь». Первый взял себе, второй отдал товарищу.

– Табельный пистолет здесь тебе не поможет! – бросил он Сивцову.

– А в отпуске он еще и не положен! – парировал Анатолий.

Они переоделись в походную одежду, надели ботинки с рифлеными подошвами и двинулись в путь. Странно, но, несмотря на безоблачное небо с будто нарисованным на нем солнцем, Сивцов не ощущал жары. Здесь, в тайге, дышалось в полную силу, а кожа оставалась сухой, без малейших признаков пота.

Выйдя за ворота, которые Генка сразу же запер за собой, приятели двинулись по узкой тропинке вглубь лесного массива. По пути попадались такие же, как под усадьбой Валкова

поляны-елани, так что, как подумал Анатолий, здесь вполне можно было бы разместить целое поселение.

Неожиданно тайга расступилась, и открылась небольшая речка. Чистейшая вода выдавала горное происхождение этой таежной артерии, однако в месте, где друзья подошли к ней, вода предалась неге, лениво проплывая мимо берегов. Она осторожно огибала огромные плоские валуны, они высовывали спины и грели их на солнце. По ним, перепрыгивая с одного на другой, можно было легко перебраться на другую сторону. Но друзья, остановившись на середине реки, уселись – каждый на свой валун – и стали смотреть на воду.

– Какая красота! – воскликнул Сивцов. Он зачерпнул пригоршней воду и, смакуя, выпил ее до последней капли. – И вкуснота! – добавил он.

– А что еще надо человеку? – поддержал товарища Валков. – Большинство людей заблуждается, считая свои желания истинными. На самом деле они навязаны извне – обществом или, если точнее, теми, кто управляет им.

– Ты прав, – согласился Анатолий. – Но у каждого – свой взгляд на мир, и кому-то наверняка мало простых житейских благ.

– Все зависит от того, под каким углом человек смотрит на жизнь, – произнес Генка. – Представь себе человечество в виде поезда...

– Сначала локомотив, потом пассажирские, товарные вагоны и в самом хвосте – цистерны, – перебил его, продолжая мысль, Сивцов.

Валков хитро улыбнулся и торжественно изрек:

– Так ты знаешь! Ну что ж, тогда все упрощается.

17.

Илья Федорович Ульянов неожиданно для себя получил возможность стать отцом, да за это ему еще и пообещали платить. Для его с женой бездетной пары это было подарком небес. Они, будучи в браке полтора десятка лет, мечтали о ребенке, но собрать сумму, необходимую для усыновления или удочерения, вряд ли смогли бы и за вдвое больший период. Чинуши с жадными глазами «за бесплатно» малышей не отдавали.

Илье было 10 лет, когда всю его деревню на западе Брянской области, оказавшуюся в зоне отчуждения после Чернобыльской катастрофы, спешно перевозили на автобусах за двести с лишним километров. Не разрешили брать никаких вещей, даже тетрадей и дневников, что ребят обрадовало. Огорчило, и намного сильнее, отношение жителей того села, куда их привезли.

В школе с чернобыльцами дети не садились за одну парту, а в старших классах девчонки никогда не соглашались с ними танцевать, не говоря уже о том, чтобы поцеловаться. Местные жители сторонились переселенцев, видимо, считая, что те привезли им радиацию. Поэтому к концу школы Илья решил избавиться от своего чернобыльского прошлого...

Он поступил очень просто: уходя на службу в армию, забрал из поликлиники и уничтожил свою личную медицинскую карту. А уже «дембельнувшись», остался в Татарстане, где служил, и никому не стал говорить о том, что он из «зоны». Тут ему, конечно, очень помогло обстоятельство, что он появился на свет «в гостях», и место рождения, проставленное в паспорте, было весьма далеко от его родной загрязненной радионуклидами деревни.

Жизнь складывалась неплохо, и девушки уже не шарахались от него, как от чернобыльского «ежика». Наконец, он выбрал из них одну-единственную, которую и взял себе в жены. Она тоже не была коренной жительницей Казани, но место ее рождения – где-то в Калужской области, ему ни о чем не говорило.

Беда обрушилась внезапно. Веру, жену Ильи, уже ожидавшую ребенка, направили на какую-то очень мудреную экспертизу, результаты которой были для нее ошеломляющими:

у плода были выявлены генетические отклонения, несовместимые с жизнью. По настоянию врачей от него пришлось избавиться. Тогда же выяснилось, что оба супруга получили незавидное черныбыльское «наследство». Больше попыток обзавестись потомством они, боясь повторения проблем с генами, не предпринимали.

И вот спустя много лет в один из выходных дней прожурчал звонок телефона, и мягкий мужской голос поинтересовался, не хочет ли семейная пара усыновить мальчика трех лет от роду. Даже если бы это было мошенничеством, Илья Федорович ни минуты не раздумывал бы о том, что нужно делать. Он сразу же прокричал:

– Да, конечно, мы согласны.

Незнакомец назначил встречу в одном из кафе. Это был солидного вида мужчина с блестящими курчавыми волосами без каких-либо признаков седины, хотя на вид ему вполне можно было дать пятьдесят лет.

– Яков Захарович, – представился он, протянув руку.

Илья Федорович несколько нерешительно откликнулся на приветствие, но, ощутив располагающее к себе тепло ладони незнакомца, почувствовал к нему что-то вроде доверия. Но чтобы оно полностью победило, нужен был ответ на двойной вопрос: зачем затевается усыновление и почему для этого выбрали семью именно Ильи Федоровича.

На второй вопрос кудрявый мужчина ответил непринужденно и просто:

– У мальчика, который остался без родителей, такая же фамилия, как у вас. Поэтому, как говорится, сам бог велел вам стать его отцом!

Ульянов на минутку задумался, а потом поинтересовался:

– А как зовут мальчика? Володя?

– Вашей прозорливости можно позавидовать, – добродушно рассмеялся собеседник. – Его имя действительно Владимир, правда, не Ильич, как вы, возможно подумали, а Анатолевич.

– Но в нашей семье он станет Ильичом? – не то спросил, не то предположил Илья Федорович.

– Ну конечно, – ответил Яков Захарович. – И можете не волноваться, все будет оформлено по закону, безо всяких подводных камней.

– Да, дела... – задумчиво произнес Ульянов и замолчал.

Собеседник тоже выдержал довольно продолжительную паузу, отхлебнул из принесенной официантом чашки глоток чая и, как ни в чем не бывало, продолжил:

– А что касается вашего первого вопроса, то позвольте нам не раскрывать карты. В свое время вы все узнаете. Сейчас же я могу сказать, что в условия нашего с вами договора мы внесем только одно требование: не мешать тому, что будет происходить с мальчиком. Заверяю вас, ничего, что могло бы омрачить вашу жизнь, не планируется. Зато к радости обретаемого вами отцовства, а вашей женой – материнства мы добавим еще кое-что, – здесь голос «кудряша» зазвучал с особым пафосом.

– Что именно? – поторопился уточнить потенциальный приемный отец.

– У вас будет хорошая просторная четырехкомнатная квартира в центре Воронежа, – задумчиво произнес Яков Захарович.

Ульянов опять задумался. До сих пор он с супругой живет в общежитии, хотя и в отдельной комнате. О своей квартире, тем более, такой большой, он даже боялся мечтать. Да и переезд в чужой город его совершенно не пугал. Так будет даже лучше: там, где их никто не знает, не станут и задавать неудобных вопросов о сыне. И все-таки Илья Федорович колебался: он не знал, какую цену назначит неожиданно объявившийся благодетель за «райскую жизнь»?

– Если я откажусь, вы, конечно, найдете более сговорчивого человека, – сказал, наконец, он. – Но, как я понимаю, это потребует времени, которого у вас, видимо, нет. Ведь вам нужен будет Ульянов, да еще и бездетный, правильно, – обратился он к собеседнику.

Тот молча кивнул, а Ульянов продолжил:

– С другой стороны, мне нет резона отвергать ваше поистине царское предложение. Я соглашусь, только скажите честно, чем мы будем платить за такое счастье?

– Ну что ж, я был готов к вашему вполне справедливому желанию знать все, – как бы еще раздумывая, давать ответ или нет, проговорил Яков Захарович. – Каждый день с пяти до шести вечера ребенок должен будет оставаться один в своей комнате. Вы заходить туда не должны. И время от времени вас будет посещать телевидение и снимать то, что скажет ваш приемный сын. Это все, больше никаких услуг от вас мы требовать не будем.

– Я согласен, – сразу же выпалил Илья Федорович. Видимо, его такие условия вполне устраивали. – Думаю, что и со стороны супруги возражений не будет.

– Ну, вот и прекрасно, – благодушно произнес собеседник. – В ближайшее время мы вас обо всем известим.

18.

Полина очнулась на своей кровати в детдоме. Рядом с ней на коленях стоял Володя. Он гладил сестру по голове и ждал ее пробуждения.

В первые минуты девочка не хотела верить в то, что она увидела. «Это просто сон, страшный сон, – мысленно успокаивала себя она. – Сейчас открою глаза и окажусь в нашей квартире с мамой, бабушкой и Володей».

Но сделать это она боялась, понимая, что ужас, обрушившийся на ее семью, никуда не делся, он останется на всю жизнь.

«Что я скажу Володе? – думала Полина, чувствуя ласковые прикосновения брата к волосам. – Он еще такой маленький! А если ему уже рассказали? К тому же мама учила всегда говорить только правду, какой бы горькой она не была. Ведь рано или поздно все равно выяснится, что мама и бабушка погибли».

Приняв решение, девочка открыла глаза, увидела детдомовскую комнату, что лишило ее последней, пусть призрачной надежды на возвращение к прежней жизни, посмотрела на примостившегося рядом брата и, как умудренная опытом женщина, ласково и в то же время твердо произнесла:

– Вовочка, мы с тобой остались одни. Мамы с бабушкой нет. Я буду о тебе заботиться, и мы не пропадем!

Брат внимательно посмотрел на нее и, не отнимая руки от ее головы, возразил:

– Полечка, это не так! Мама жива, поверь мне, и мы ее найдем!

Девочка опустила с кровати ноги, посадила брата на колени и не по-детски мудро согласилась с ним:

– Хорошо, милый! Мы будем искать! Хоть всю жизнь!

Дни потекли уныло и однообразно, хотя нельзя было сказать, что в детдоме царила скука. Наоборот, воспитательница старалась занять опечаленных горем детей, втягивая их в игры, читая книги и рассказывая занимательные истории. Однако ей так и не удалось добиться хотя бы проблеска улыбки на ребячьих лицах. Володя усердно посещал шахматный кружок, но не выражал никаких эмоций по поводу своей игры, которую он быстро освоил и уже пару раз сыграл вничью со старшими ребятами.

Через несколько дней после официальной процедуры опознания были готовы документы, окончательно признававшие Полину и Владимира Ульяновых детьми-сиротами, оставшимися без попечения родителей.

Но детдомовская жизнь, по крайней мере, для Володи, продолжалась недолго. Вскоре во дворе приюта появились три человека – изрядно волнующаяся пара, скорее всего, семейная,

и мужчина с аккуратно уложенными темными волнистыми волосами. Последний обратился к Амине Гильфановне, которая вывела стайку ребят на прогулку.

– Мы по поводу усыновления, – сказал он. – Как нам найти директора детского дома?

Воспитательница объяснила, как найти хозяйку и, когда уже гости повернулись, спросила:

– А кого вы хотите усыновить?

Но троица, спеша попасть в здание, не удостоила ее ответом.

– Итак, – официальным сдержанным тоном произнесла директриса, – вы хотите усыновить Володю Ульянова?

Она не понимала, зачем нужна такая спешка, ведь дети еще не пришли в себя после трагедии.

– Именно Володю, – не обращая внимания на холодный прием, ответил кудрявый мужчина. – И вас о нашем визите должны были предупредить!

– Да, действительно, такой звонок был, – бесстрастно проговорила хозяйка приюта и, добавив металла в голос, заметила: – Но вы, наверное, в курсе, что у нас двое Ульяновых – брат и сестра. А по закону разлучать их запрещено.

Она прекрасно осознавала, что ее сопротивление рано или поздно будет сломлено: начальство в телефонном разговоре ясно дало ей понять, что в данном случае родственные связи детей в расчет приниматься не будут. И все же она как женщина, прекрасно понимающая и чувствующая всю противоестественность такого усыновления, и как педагог с большим стажем работы с сиротами пыталась убедить гостей в том, что они поступают неверно.

– Из всякого правила есть исключения, – настаивал курчавый брюнет. – Их, кстати, предполагает и закон, о котором вы упомянули. Если исходить из интересов ребенка, то в силу малого возраста его лучше разлучить со старшей сестрой, которая будет ему постоянно напоминать о гибели родных. Если убрать такой раздражитель, он довольно быстро забудет о случившейся трагедии, и через год-два станет считать родителями вот этих прекрасных людей. Они достойные члены общества, и я вас уверяю, смогут сделать жизнь мальчика счастливой и безмятежной.

– Я, конечно, не изменю своего мнения, – несколько поникшим голосом сказала директриса, чувствуя, что начинает сдаваться. – Дайте мне немного времени, я хочу проконсультироваться с руководством. И если все обстоит так, как вы говорите, подготовлю необходимые документы.

Она не стала делиться с сотрудниками детдома информацией об усыновлении, а на следующий день отправилась в отдел опеки и попечительства Министерства образования и науки. Начальница этого подразделения, отводя взгляд, ничего существенного не сказала, а, сделав звонок по внутреннему телефону, отвела гостью к заместителю министра.

С этим лысеющим блондином хозяйка приюта не раз сталкивалась на совещаниях, он всегда одобрительно оценивал ее работу, а однажды на неофициальном продолжении торжественного мероприятия пригласил ее на танец и потом даже предложил проводить домой. Но женщина отказалась, она, хоть и была одинокой, не признавала романтических и прочих любовных отношений внутри иерархической структуры.

Лицо замминистра было непроницаемым. Он, не встав из-за стола, жестом предложил гостье сесть и строго бросил:

– Екатерина Спиридоновна, негоже так артачиться.

Это грубоватое слово вызвало у женщины внутренний протест, но она, сдержавшись, смиренно сказала:

– Я, возможно, не права, но мне кажется, что этот вопрос требует изучения.

– Изучать здесь ничего не надо, – молниеносно парировал начальник. – Дело очень простое. Детям нужно прийти в себя после трагедии. И лучше, если они сделают это порознь. Вы напрасно поднимаете волну, все уже решено!

Он немного подумал и чуть смягчившимся тоном произнес:

– Кстати, вы просили оборудовать компьютерный класс. Мы изыскали такую возможность, привлекли спонсоров, и ваша заявка в ближайшее время будет удовлетворена.

Подсластив таким «бонусом» пилюлю, он дал понять, что разговор окончен. Встав из-за стола и провожая гостью к двери, замминистра напоследок проронил:

– Каждый из нас должен понимать, что свято место пусто не бывает.

Директриса вспыхнула, осмыслив намек, и буквально выбежала из кабинета, скороговоркой бросив начальнику «до свидания».

19.

Полковник Эрик Сандерс, командующий 432-м авиакрылом Экспедиционных сил ВВС США вертел в руках рапорт командира эскадрильи беспилотных самолетов капитана Этона Хэнкока. Непроницаемые жалюзи на окнах, ровный шелест кондиционера, мягкий искусственный свет потолочных ламп создавали обычную обстановку американских офисов, будь они на сотом этаже нью-йоркского небоскреба или в малопримечательном здании городка в штате Висконсин. Сам корпус авиабазы «приземлился» в центре пустынной низины, окруженной невысокими зубчатыми горами. Но военнослужащие не чувствовали себя оторванными от цивилизации: отсюда было рукой подать до Лас-Вегаса – меньше часа езды по вполне сноному шоссе, и ты оказываешься в ослепительном царстве потех и греха. Да и в близлежащем городке Индиан Спрингс тоже можно было поразвлечься.

Сандерс ненавидел эти зланные места – ямы с нечистотами, как он их называл. Поездки его подчиненных туда нередко заканчивались пьянками до скотского состояния, потасовками, пристаиваниями к особам женского пола, а то и откровенными оргиями, порой и с употреблением наркотиков. Полковнику не раз приходилось разгребать всю эту гадость, чтобы не запятнать честь подразделения, и он устал от этой вызывающей омерзение суеты.

Но больше всего его заводило катастрофическое падение дисциплины, особенно после того, как в часть стали направлять не дипломированных пилотов, а геймеров с улицы, которым было все равно, что делать: вести самолет или расстреливать фантастических упырей. Именно они допускали массу ошибок, что приводило к поражению не военных, а гражданских целей, жесткой посадке с поломкой шасси и даже, как на этот раз, к утрате авиационных аппаратов.

– Дерьмо! – вслух выругался полковник, тряся рапортом. – Как они могли в это вляпаться? Три классные птички – и в дерьмо!

Эти слова невольно услышали двое молодых людей в форме, которые были вызваны Сандерсом четверть часа назад. Это были не геймеры, а настоящие летчики, которые успели, хоть и недолго, полетать, сидя в пилотской кабине, на настоящих самолетах. Последнее время они посменно несли дежурство в тесных контейнерах, начиненных электроникой, управляя беспилотными летательными аппаратами.

– Я вызвал вас, – начал полковник, не здороваясь и не обращая внимания на армейское приветствие подчиненных, стоявших навытяжку, – чтобы разобраться в крушении наших аппаратов в Славии. От вас требуется четко и внятно ответить на мои вопросы.

– Да, сэр, – хором ответили пилоты.

– Слышал ли кто-нибудь из вас о том, что рельеф местности или наличие в земле минералов может повлиять на управление беспилотниками?

Оба летчика задумались, но по их лицам было видно, что задача, поставленная командиром, им не по зубам. Один из них осмелился уточнить задание:

– Какие минералы, сэр, вы имеет в виду? Нефть? Золото? Алмазы?
– Любые минералы! – взорвался Сандерс, почти постоянно сталкивавшийся с непониманием, а то и тупостью вверенных ему военнослужащих.
– Я знаю, сэр, что в Ираке есть нефть, – продолжил летчик. – И мы там летаем.
– К чему ты это говоришь? – спросил полковник после паузы, в течение которой он так и не дождался продолжения мысли подчиненного.
– Я не знаю, связано ли это с нефтью, но однажды я почти на две минуты потерял управление самолетом, – наконец, выдавил из себя пилот.
– И все? – поинтересовался командир.
– Так точно, это было только один раз, – отчеканил нижний чин.
– Не густо, – оценил Сандерс полученную информацию и обратился ко второму пилоту. – А у тебя было что-нибудь похожее?

– Никак нет, – выпалил тот. – Я летаю в Афганистане, а там минералов нет.
«И это – элита! – подумал полковник. – Что же могут сказать остальные, если эти парни несут всякую хрень?! Правда, в словах первого пилота некоторый смысл есть. Возможно, и рапорт Хэнкока не так уж туп».

От этих мыслей его оторвал голос второго летчика, который несколько нерешительно сказал:

– Если позволите, сэр, то я вспомнил случай, когда летал на настоящем самолете.
– Давай, – разрешил командир, хотя и подумал, что вряд ли это может иметь отношение к делу.
– Однажды, когда я летел на автопилоте, самолет вдруг сошел с ума: начал крутиться вокруг оси, снижаться, а потом стал пикировать. Я немедленно перешел на ручное управление и с трудом выровнял машину.
– Где это произошло? – спросил полковник.
– Над Ливией! – ответил летчик.
– Там были горы?
– Никак нет, сэр, только ровная голая пустыня.

Дальнейшие расспросы все равно ничего не дали бы, и Сандерс отпустил подчиненных. Он еще раз перечитал подколотый к рапорту листок – заключение эксперта по электромагнитным излучениям. Тот подтвердил, что при наличии природных аномалий возможно искажение и даже полное затухание сигналов радиосвязи, с помощью которых осуществляется управление беспилотными летательными аппаратами.

«Вроде, все сходится, – подумал полковник. – Но все равно надо проверить эти теории на практике, в реальных условиях, на месте использования дронов».

Он вызвал командира эскадрильи капитана Хэнкока и приказал ему сформировать специальную группу для управления последним оставшимся в Славии беспилотником модификации «Серый орел». Ее задача – изучить влияние местных условий на прохождение радиосигналов непосредственно в зоне полетов дронов. Для этого необходимо доставить туда мобильный пункт управления. А беспилотник следует оснастить аппаратурой для исследования магнитной обстановки и радиоизлучений.

20.

В обществе двух дипломированных пилотов, не отличавшихся остротой ума, Гриф Пирсон, которого включили в экспериментальную группу за выдвинутую им гипотезу, чувствовал себя настоящим мудрецом. Хотя, если быть объективным, он не хватал звезд с неба ни в школе, ни в колледже, откуда его вышибли за неуспеваемость. Причем это слово можно было пони-

мать в буквальном смысле: он просто не успевал учиться, все его время занимали компьютерные игры.

Техника пункта управления была отправлена в далекую страну за океаном транспортным самолетом, а экипаж дрона вместе с капитаном полетел гражданским рейсом. Им дали команду одеться в цивильное: формально американцы не участвовали в военных действиях.

Трое нижних чинов сидели в ряд, а капитан, чтобы не нарушать субординацию, пожелал разместиться отдельно, где-то в передней части салона.

– Зачем они так называли свою страну? – недоуменно произнес один из «настоящих» пилотов Найджел.

– Это ты про кого? – спросил второй «ас», Брайан.

– Да про Слaviю, – откликнулся сосед. – Получается, что они признают свое рабское предназначение¹.

– Вообще-то, – вступил в разговор Пирсон, – это название произошло оттого, что там живут славяне. Народ такой.

– А что это меняет? – невозмутимо воскликнул Найджел. – Эти славяне и были рабами у Великого Могола, кажется.

– Парни, вы все перепутали, – раздался сзади голос не выдержавшего такой трактовки истории пассажира. – Слово «славянин» пишется не так, как «раб» – без буквы «е» на конце². А моголов вы спутали с монголами. Те пытались поработить славян, но ничего не вышло.

– Извините, мистер, – сказал, словно задетый за живое, Брайан, – но все знают, что у местных славян нет ни демократии, ни свободы. И они, в конце концов, должны подчиниться нам. Так, как это сделали южные славяне. У меня брат участвовал в операции в Югославии. Там мы навели порядок. Уверен, что и в Славии будет то же самое.

– А то, что Югославия находится в Южном полушарии, а Славия – в Северном, для нашей армии значения не имеет, – вмешался, решив блеснуть знаниями, Найджел. – Мы врагов везде достанем!

– Потрясен вашими познаниями в географии, – иронично заметил сидящий за пилотами пассажир. – А где, по-вашему, расположена Америка? Тоже в Северном полушарии?

– Нет, мистер, – важно сказал Найджел. – Это Россия в Северном полушарии, там холодно. А Америка – в Центральном полушарии, ведь наша страна самая главная в мире!

Сосед хмыкнул и, потеряв интерес к тройке невежественных молодых людей, ничего не ответил, уткнувшись в газету.

– Говорят, в Славии девчонки красивые, – решил после паузы продолжить разговор Найджел. – Бьюсь об заклад, я уже в первый вечер найду себе очаровательную рабыню!

Спорить с ним было пустой тратой времени и денег. Молодой человек, чей возраст приближался к тридцати, выглядел на все сто: накачанный торс, светлые волосы, обрамляющие волевое лицо с ярко-синими глазами и выступающим вперед подбородком. Любая девушка с радостью становилась жертвой бесхитростных ухаживаний этого красавца.

Если бы попутчики на этот раз поспорили с ним, наверняка выиграли бы. После долго полета, а потом тряской езды в микроавтобусе группа оказалась посреди выжженной степи, напоминавшей «родную» пустыню в Неваде. Но, в отличие от нее, здесь не было гор – на многие километры простиралась плоская, как бильярдный стол, равнина, а самое главное, – вокруг не наблюдалось не только городов, но и вообще любых признаков жилья.

Технику сопровождения дронов впихнули в выдавший виды деревянный фургон на колесах, судя по всему, взятый напрокат у местных строителей. Его закатали в неглубокий окоп, вырытый в порядочном отдалении от аэродрома, где находился последний живой беспилотник.

¹ В переводе с английского slave – раб.

² Славянин в переводе с английского – slav.

Расстояние в десять с лишним километров было выбрано для того, чтобы исключить возможность радиопомех, неизбежных при связи с другими базирующимися здесь самолетами.

С проведением эксперимента было решено долго не тянуть. Все хотели завершить его в сжатые сроки и победно вернуться на авиабазу в Америку. Когда была настроена аппаратура, команда, пополнившаяся тремя инженерами, заняла места в тесном фургоне, Грифу Пирсону не хватило места, и он вынужден был стоять за спинами усевшихся в ряд пилотов и капитана между ними.

Все пошло не так, как надо, уже спустя три минуты после взлета дрона. Один из инженеров доложил:

- Обнаружено электромагнитное излучение.
- Откуда, где его источник? – крикнул капитан.
- Где-то на земле, – неуверенно ответил специалист.

Пока они обменивались фразами, на мониторах погасла картинка степи, вместо нее появилась жуткая морда оскалившегося доисторического чудовища – тираннозавра, а из динамиков полилась музыка.

– Господи, это же T.Rex, – сразу же узнал мелодию некогда популярной рок-группы Пирсон, большой ее поклонник. Хотя музыка была без слов, он безошибочно смекнул, что звучит песня «Baby Boomerang»³. Пара секунд потребовалась, чтобы Гриф понял зловещий смысл этих слов.

«Бумеранг, – пронеслось у него в голове. – Дрон возвращается!»

Пирсон даже не стал прикидывать, сколько времени займет обратный полет беспилотника. «Спасись!» – стучало у него в голове. Не говоря никому ни слова, он прыгнул к двери, резким толчком распахнул ее, соскочил вниз и побежал, не разбирая дороги, подальше от опасного места.

Капитан Хэнкок, сбитый с толку поведением компьютерной системы, но еще больше – поступком подчиненного, успел только заорать:

– Пирсон, назад!

Ни он, ни другие военнослужащие, находившиеся в фургоне, не видели, да и не могли этого сделать из-за полного отсутствия в вагончике окон, как дрон, сделавший в воздухе крутой разворот, устремился к тому месту, откуда, уже безуспешно, им пытались управлять. Будто мстя за долгое рабство, летательный аппарат, выпустив почти в упор две ракеты, сам врезался в эту же цель – зеленоватый обшарпанный фургон. Чудовищные взрывы один за другим потрясли окрестности. Три ударных волны подхватили убегающего от рукотворных громов и молний Пирсона, подбросили его вверх, пронесли по воздуху и, наконец, бросили в небольшой овражек.

Последним, уже угасающим порывом воздуха тело геймера занесло серым порошком песка, вырванными из земли сухими кустиками травы, колючими шарами перекасти-поля.

21.

Разговор, начавшийся на речных каменных креслах, требовал продолжения. И оно не заставило себя ждать, правда, сначала друзья приготовили обед. Генка пообещал соорудить нечто необыкновенное из тушенки, молодой картошечки, юной морковки, свежего лука, укропа, черемши и прочих пахучих даров огорода. Блюдо получилось на славу, Толик никогда ничего подобного не едал и назвал суп таежным.

³ В переводе с англ. – Малыш Бумеранг.

Спиртного на столе не наблюдалось, Валков был сторонником трезвой жизни, да и у Сивцова не было желания затуманивать новые впечатления алкоголем. Но беседа и без этого завязалась сразу же, как только друзья принялись за обед.

– Гена, – обратился к приятелю Анатолий, – как я понял, ты примкнул к группе заговорщиков. Кто они?

Валков не спешил отвечать, он выудил из большой миски крупный кусок мяса, а потом принялся тщательно пережевывать его. Наконец, осознавая, что пауза непростительно затянулась, ответил:

– Поверишь ты мне или нет, но я сам не знаю. В нашем городе есть десяток надежных людей, один из них – связной. Он информирует нас о том, что надо сделать. Но сам вряд ли кого-то знает из тех, что наверху. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Сивцов кивнул головой, он хотел по профессиональной привычке задать еще один вопрос, но воздержался, надеясь, что Генка сам расскажет все, что знает. Сыщик быстро выстроил мостик между словами Лагутина о том, что некие конспираторы обязательно выйдут на контакт с ведущим сотрудником Следственного комитета, и этой поездкой к Валкову. А значит, надо ждать, когда окончательно прояснится, для чего он им нужен, и как они намерены действовать в дальнейшем.

Между тем, Валков продолжил:

– Думаю, что это очень разветвленная сеть, построенная по всем правилам конспирации.

Больше он ничего не сказал и какое-то время друзья молча работали челюстями, поглощая необычайно вкусную еду. Наконец, Сивцов не выдержал и заметил:

– Знаешь, Генка, очень это похоже на секту. Я когда-то вел дело о массовом самоубийстве фанатиков, которых зомбировал новоявленный божок, заставив верить в конец света. Сам улизнул, остался жив, присвоив недвижимость и деньги своих адептов.

– Вряд ли, – ответил Валков. – Я тоже поначалу настороженно относился ко всей этой затее, перечитал кучу статей о деструктивных сектах. Но здесь все не так. Никто ни у кого не выманивает ценности, наоборот, центр финансирует, и довольно щедро, всю нашу деятельность. Да и никто не заставляет нас верить в какие-то навязанные сверху постулаты. Приветствуются дискуссии, даже споры. Все это – на нескольких площадках в Интернете. В конце концов, первые христиане тоже сначала были всего лишь сектой.

Трапеза завершалась, одного супа хватило для ощущения сытости. А Сивцов вообще уже много лет не ел на обед второго, он говорил, что действует по древнему принципу: обед раздели с товарищем. Правда, ужин он не отдавал врагам: зачем вскармливать недругов?! Тщательно вычерпнув из миски остатки супа и облизав ложку, он вдруг спросил:

– Гена, а ты что-нибудь знаешь о двенадцати апостолах?..

Валков, не дожидаясь окончания фразы, выпалил:

– Спрашиваешь! Я Евангелие неплохо знаю. Особенно Апокалипсис, сейчас очевидно, что предсказания Иоанна Богослова начинают сбываться.

– Нет, я не об этом, – бросил Анатолий. – Я о современных апостолах.

– Ладно, не буду темнить, конечно, слышал, – отозвался Геннадий. – Это же ты вел дело о краже тела Ленина. Ну и та история с пришествием Христа как-то была с этим связана. – Он пошевелил губами и сам задал приятелю вопрос: – Там же наверняка не обошлось без апостолов?

– Боюсь, что именно эти люди и есть твои теперешние духовные отцы, – задумчиво произнес Сивцов.

– Толик, зря ты боишься! – воскликнул товарищ. – Даже если это и так, то разве они делают что-то худое?

– Не знаю, не знаю, – проронил Анатолий.

Валков, решив, что на первый раз достаточно информации, которой он снабдил друга, сменил тему:

– Ладно, буду приобщать тебя к простому сельскому труду. Я же после всех посевов-посадок только пару раз здесь побывал, а за растениями нужно ухаживать. Видел, сколько сорняков на грядках! Будем заниматься прополкой. А завтра пойдем на охоту. Не все же время тушенку жевать, нужно и побаловать себя. Если все пройдет удачно, такой из дичи шашлычок организуем, какого ты никогда в своей жизни не пробовал!

Друзья убрали со стола посуду, вымыли ее и отправились в огород.

22.

Охота не очень привлекала Сивцова. Стрелял он неплохо, благодаря регулярным тренировкам в тире. Но одно дело владеть оружием для самообороны, и совсем другое – убивать животных. Об этом он честно предупредил товарища, заявив, что стрелять в зверей не будет, но компанию, так и быть, составит.

Генка в дополнение к уже знакомой сыщику походной одежде прибавил две бейсболки – одну оранжевую, другую – красную.

– Мы же все зверье распугаем, – предположил Анатолий.

– Это не так страшно, хуже будет, если случайно подстрелим друг друга, – ответил Валков. – А такое на охоте бывает не так уж редко. Когда лось или косуля стоят к тебе мордой, и ты видишь только две ноги, их вполне можно принять за человека, особенно в чаще, когда рога теряются в ветках деревьев. И наоборот, люди могут оказаться похожими на животных.

Заметив ироничную улыбку товарища, он начал объяснять:

– Да я не в переносном, а в буквальном смысле. И вот, яркая шапка сразу сигнализирует, что это свой брат охотник! Стрелять в него нельзя!

Дорога на место охоты была недолгой, вокруг – нетронутая тайга и непуганные звери. Генка привел товарища на берег все той же речушки, правда, пришлось пройти пару километров выше по течению. Здесь, как он сказал, на противоположной стороне у косуль было место водопоя. И действительно там находилось пологое место с вытоптанной животными травой. Чуть наискосок от него, на другом берегу, когда-то была выкопана яма с «крышей» из валежника. Туда и забрались друзья, сняв уже внутри свои «светофорные» головные уборы.

Еще не рассвело, солнечные лучи мельтешили где-то на востоке, время от времени нанося крупинки красного золота на редкие облака. Сидеть в тишине охотникам пришлось не очень долго. Издалека послышалось робкое шуршание травы, будто ее оглаживали ласковые руки. Чуть позже стали различимы легкие шаги. Еще через пару минут на прогалине появилась стайка грациозных животных, похожих на оленей. От пятнистых родичей их отличала сплошная рыжая окраска шкуры и белые «кляксы» на шее и вокруг короткого, похожего на малярную кисть хвоста. Головы двух из десятка особей – самцов – венчали раздвоенные на концах острые рожки. А вот пяток детенышей еще сохраняли оленьи черты: по их спинам бисером были рассыпаны светлые пятнышки – ни дать, ни взять Бэмби. Взрослые пропустили малышей к воде и те, широко расставив ноги, начали пить – не жадно, а с достоинством и даже уважением к реке, дарующей им живительную влагу.

– Видишь, как они пьют, – прошептал Генка. – Не так, как в песне, помнишь: «Как олени, с колен, пью святую твою родниковую правду, Беловежская пуца?»

– Ну, да, – так же тихо отозвался Толик. – Ясно, что не на коленях. Ошибся поэт!

Любуясь точеными фигурками козочек-оленей, Сивцов забыл обо всем на свете, он даже пожалел о том, что в руках у него не фотоаппарат, а ружье. От раздавшегося выстрела он вздрогнул, грохот разрушил идиллическую картинку, от которой не мог оторвать глаз московский сыщик, а вместе с ней и потряс весь мир нетронутой природы в этом сказочном месте.

Толик увидел, как стайка молниеносно бросилась в чащу, лишь один самец, раненный в шею, закрутился на месте, разбрызгивая в стороны алую кровь. Генка прицелился еще раз, но выстрелить не успел: его опередил другой охотник. Это был выскочивший сбоку из чащи медведь. Он с размаху ударил лапой слабого самца по спине так, что у того переломился хребет, встал на задние лапы и стал осматриваться.

– Генка, стреляй! – полушепотом проговорил Сивцов.

– Ну, уж нет! – так же тихо ответил товарищ. – Неизвестно, кто будет добычей: медведь или мы. От запаха крови он просто звереет. Сиди тихо, как бы он не почувствовал, что мы хотим отнять у него косулю.

– А что убить его нельзя? – почти беззвучно спросил Анатолий.

– Это очень трудно, – шепотом отозвался Валков. – Надо твердо знать, куда стрелять, а я в этом деле не дока. У него пули застревают в мышцах, а голову вообще можно пробить только в трех точках. Но даже если его смертельно ранить, он еще пару минут будет буйствовать, разнесет наш схрон к едрене фене вместе с нами.

Друзьям ничего не оставалось, как наблюдать за зверем. Он посмотрел в их сторону, грозно рыкнул, вонзил зубы в шею косули, забросил ее тушу за спину и стал удаляться в лес, время от времени оглядываясь на реку.

Прошло несколько минут, пока охотники не успокоились. Они даже стали разговаривать вполголоса, а не шепотом, как раньше.

– Знаешь Генка, – выпалил Сивцов, – давай уж лучше тушенку жевать. Мне охота не по нутру.

– Ну что ж, – отозвался приятель, – ты хозяин-барин, твое слово для меня – закон. Тушенки здесь – до Нового года хватит. – Он немного помолчал и хитро спросил: – А знаешь, почему я в медведя не стрелял?

Анатолий бросил на него вопросительный взгляд.

– Я подумал, зачем нам столько мяса?! Нас же всего двое!

Приятель рассмеялся и, весело обсуждая незадачливую охоту и неожиданное приключение, двинулись домой.

23.

Брату с сестрой даже не дали попрощаться. И опять это было сделано из «гуманных» побуждений. Утром после завтрака Полина пошла в зал, где проходили занятия танцев. За это время надо было увести Володю.

Повода искать не пришлось. Хозяйка приюта знала от воспитательницы, что мальчик хочет забрать из дома свой нательный крестик. У того в день, когда в торговом центре произошел взрыв, разорвалась цепочка, и теперь он лежал на стопке книг в гостиной.

За Володиной приехали две женщины, которые раньше привезли его в детдом. Одна из них была в полицейской форме, поэтому у мальчика не возникло никаких опасений. Да и какие могут быть подозрения у трехлетнего ребенка!

Они поднялись в лифте на лестничную площадку, где в одной из квартир еще недавно благополучно проживала семья. Там уже ждал еще один полицейский – участковый этого района. Он снял полоску бумаги, наклеенную одним концом на дверь, а другим – на косяк, повернул ключ в замке и пригласил приехавших зайти.

Володя сразу же нашел свой крестик и крепко сжал его в ладошке.

– Что-нибудь еще хочешь взять? – спросила женщина в лимонной блузке.

– Нет, сейчас мне ничего не надо, – ответил мальчик.

Когда они выходили из квартиры, полицейский снова опечатал дверь и, обгоняя провожатых и ребенка, попрощался с ними.

Во дворе ждали две женщины и мужчина. Одна из дам с пышной прической представилась сотрудницей Министерства образования и науки. Она не стала подбирать какие-то особенные слова, возможно, многолетняя административная работа заметно облегчила ее лексику. Чуть склонившись к ребенку, сказала:

– Володя, детям лучше жить с родителями, и мы нашли их тебе, – она повела рукой в сторону стоявшей рядом пары. – Это очень хорошие люди, они станут о тебе заботиться. У тебя будет своя комната и много игрушек.

Мальчик напрягся. В присутствии незнакомых взрослых людей он не мог выдавить из себя ни слова. Его будущие родители тоже растерялись, они не знали, как общаться с маленькими детьми, и боялись неверными словами или жестами испугать малыша. Женщина, одетая в скромное серое платье с кружевами по прямоугольному вырезу на груди, нервно комкала носовой платок, он был влажным, видимо, новоявленная мать плакала перед встречей с приемным сыном. Мужчина с пронзительными голубыми глазами и скудными остатками волос на голове тоже был беспокоен, хотя и старался не показывать этого. Но руки, которые он то заводил за спину, то, сплетая пальцы в замок, держал на животе, выдавали его взволнованность.

Володя опустил плечи, наморщил лицо, отчего стал похож на маленького старичка, смахнул кулачком, в котором по-прежнему сжимал крестик, наворачнувшиеся слезы и жалобно простонал:

– Я хочу к Поле и маме!

Солидная тетенька сразу же выдала, видимо, заранее подготовленную фразу:

– Полина уже взрослая девочка, она сама справится. А тебе нужно расти, набираться сил, и кто-то ведь должен о тебе заботиться.

Мальчик уже не вытирал слезы, он крепко прижал к груди обе руки, сжатые в кулачки, и стонал:

– Мама жива!

Женщина из министерства не стала успокаивать его, ровным голосом она произнесла:

– Если твоя мама найдется, мы обязательно вернем тебя ей, – она встретила недоуменные взгляды семейной пары, кивнула им – мол, эта фраза ничего не значит, обхватила рукой, усыпанной золотыми кольцами, туловище ребенка и повела, не без усилий, к машине.

Все, что произошло позже, Володя не помнил. У него кружилась голова, к горлу подступила тошнота, мальчик побледнел и, наконец, уснул. Автомобиль остановился у вокзала, Илья Федорович взял ребенка на руки и бережно внес в вагон поезда. Мальчик проснулся только в полдень следующего дня, когда поезд прибыл на небольшую станцию с серым двухэтажным вокзальным зданием, на котором, как прочитал Володя, была прикреплена табличка «Лиски».

Женщина была все в том же сером платье, она всю ночь, не смыкая глаз, просидела на полке рядом со спящим ребенком. Обняв мальчика за плечи, она ласково сказала:

– Не бойся, Вовочка, мы ничего плохого тебе не сделаем!

Володя не ответил, но и не стал возражать. Он покорно поплелся, держась за руку незнакомой тети, в здание вокзала. Вскоре все трое уже ехали на другом поезде. Дорога была недолгой, состав остановился у большого дома с фигурами людей на крыше. «Воронеж», – прочитал мальчик и стал размышлять, как бы ему лучше запомнить это название. Ворон – еж, – разделил он слово и представил себе, как черная птица пытается схватить и унести колючего зверька, но натывается на его острые иглы. «Вот и я буду таким ежиком, попробуйте меня цапнуть», – решил Володя.

Наконец свежее испеченная семья оказалась в квартире, обставленной со вкусом новой красивой мебелью и оборудованной необходимой техникой. Здесь было все, начиная от постельного белья и одежды для взрослых и кончая книжками и игрушками для ребенка. Но Володю это совсем не интересовало. Он лег на кровать, отвернулся лицом к стене и стал делать

вид, что спит. На самом деле маленький человек с горечью думал о своей будущей жизни без мамы, бабушки и любимой им Полины.

24.

Гриф Пирсон открыл один глаз, веко второго не поднималось – на нем лежало что-то тяжелое. Над ним простиралось черное небо с блесками звезд и рогатым месяцем. Ни дуновения ветра, ни шороха, только горький запах трав и дырявое темное полотно над ним.

С трудом он подтянул вверх правую руку, провел по левой стороне лица и ощутил здесь какой-то бугор. Он стал осторожно отодвигать его в сторону. Холмик оказался большой горстью песка. Пирсон в несколько приемов смел его в сторону, очистил веко от оставшихся песчинок и, наконец, открыл второй глаз. Он облегченно вздохнул, сообразив, что зрение в порядке. Темное небо раздвинулось, и еще несколько минут Гриф смотрел на него, силясь вспомнить, как же он здесь оказался.

«Бумеранг, взрыв, – наконец, восстановил он в памяти события предшествующего дня. Еще через пару мгновений он обрадовался. – Я жив!»

Но в голову закралась еще одна мысль: «А, может, я ранен?»

Он попробовал пошевелить второй рукой, и ему это удалось. Правда, вытянуть ее не получалось: почти все тело было завалено толстым слоем песка. Свободной ладонью он стал разгребать засыпавший его холм, и вскоре пилот смог раскрепостить половину тела. Он сел и уже двумя руками начал откапывать нижнюю часть туловища.

Все, – и ноги, и руки, и живот, и даже зад, – оказалось в полном порядке, никаких следов ранения. Возможно, его спас песок, засыпавший большую часть тела. Только болела голова, да колючки поцарапали щеки.

Пирсон встал на четвереньки, немного постоял в такой позе, а потом – рывком – поднялся на ноги. Вокруг не было ни огонька, ни звука.

«Мне надо идти к людям, – решил про себя Гриф. – Но куда?»

Он покрутился на месте, еще раз посмотрел на звезды и пожалел, что не научился ориентироваться по ним.

«Что-то там связано с ковшем Большой Медведицы, – силился вспомнить пилот. – Кажется, на крайнем нижнем конце ковша – Полярная звезда, а она всегда указывает на север. Туда-то мне и надо».

Пирсон почти без труда нашел нужное созвездие, хотя оно находилось совсем не в том месте, где он его в детстве видел в родном городе Санта-Фе в штате Нью-Мексико. Он отыскал, как ему казалось, нужную звезду и, ориентируясь на нее, двинулся в путь. Вокруг расстилалась все та же безлюдная степь, скрадывающая расстояния, иногда Грифу казалось, что он топчется на месте, хотя шел уже несколько часов.

Незнание географии, что, впрочем, свойственно большинству американцев, сыграло с ним злую шутку: он шел не на север, а, скорее, на восток. Ближе к рассвету он заметил, как начал меняться рельеф: появились холмы и поросшие травой овраги, которые приходилось преодолевать, иногда даже на четвереньках. Вдруг впереди возникли очертания большой горы в виде конуса. Пирсону она показалась похожей на Фудзияму, и он искренне удивился: не занесло ли его в Японию?

Неподалеку от этой возвышенности хаотично раскинулись небольшие домики. Ноги были налиты такой тяжестью, что американец едва переставлял их. Ему уже было все равно, куда он попадет – к японцам, китайцам или вообще к эскимосам, – главное, напиться вдоволь воды, поесть горячей пищи и завалиться спать.

Уже не осознавая, где он, и что ему готовит недалекое будущее, Пирсон ковылял, двигаясь в направлении исполинского конуса, за которым уже вырисовывалась какая-то башня с

колесом. «Там должны быть люди», – твердил он себе, и его надежды вскоре оправдались. В сотне метров от вышки обозначилась дорога, по которой шли двое небритых мужчин в кепках с фонариками над козырьками. Увидев незнакомого человека, они остановились и жестами рук подозвали его к себе. Американец чуть ли не вприпрыжку – откуда только взялись силы – устремился к людям, на ходу выкрикивая:

– Help, help me!⁴

– Ого! Иностранец! – воскликнул один из мужчин, растаптывая брошенную сигарету. Но навстречу не сделал ни шага.

– Кто такой? – грозно спросил другой, когда Пирсон дотащился до спасителей, как он надеялся, и встал перед ними, сильно согнувшись в пояснице. Он не понял, что ему говорят, и все твердил:

– I'm thirsty, I'm thirsty.⁵

– Что ты там бормочешь?! – не понял первый мужчина и бросил товарищу: – Давай отведем его к начальнику охраны. Может, он шпион?!

Они взяли незнакомца под руки и доставили на шахту. Никто здесь не знал ни английского, ни какого-то другого языка. Иностранца посадили на табурет в кабинете начальника охраны, который стал звонить в местную школу, надеясь вызвать учительницу английского языка. Но она оказалась в отпуске, и диалог с пришельцем откладывался. Ему дали воды, а один из охранников даже пожертвовал свой «тормозок», который ему собрала жена. Американец с жадностью набросился на голубцы – те показались ему поистине райской едой.

Вскоре за Пирсоном приехали несколько человек, одетых в армейский камуфляж с пришитыми на рукавах ленточками с оранжевыми и черными полосками. Один из них, показывая неплохое знание английского языка, спросил:

– Вы кто, из какой страны?

Пирсон, еще не понимая, где он находится, не стал записываться:

– Гриф Пирсон, Соединенные Штаты Америки.

– Ого! – воскликнул один из военных. – Какая птичка к нам залетела!

Пришелец решил, что и ему уже можно задать вопрос:

– Скажите, где я?

– Вы находитесь на территории Донской народной республики, – строго сказал владеющий английским боец. – Мы не будем сейчас выяснять, как вы здесь оказались и с какой целью, а просто передадим вас в службу безопасности.

– Я хотел бы связаться с посольством моей страны, – немного осмелев, попросил американец.

– Это невозможно, – ответил все тот же мужчина. – У нашей республики нет дипломатических отношений с США. Так что сейчас вы поедете с нами, в Донск.

Пирсона проводили к микроавтобусу, раскрашенному, видимо, из аэрозольного баллончика пятнами зеленого, серого и коричневого цвета, и повезли по разбитой дороге.

25.

Дни на таежном «курорте» текли безмятежно. Днем друзья занимались огородом, ходили по грибы-ягоды, рыбачили, ловя на мушку хариусов со спинными плавниками, похожими на паруса, иногда попадались их более крупные родственники – ленки с рассыпанными по бокам темными пятнышками. Откормленные на убой норвежские лососи – просто свиньи по сравнению с этими красавцами, которых можно уподобить выросшим на свободе оленям. Так что

⁴ англ. Помогите, помогите мне.

⁵ англ. Я хочу пить, я хочу пить.

почти каждый день на столе была поистине царская еда, конкурентка которой – тушенка – лежала забытой в чулане.

Таковыми же роскошными были беседы друзей, начинавшиеся на вечерней зорьке у костра. Они устраивались в удобные кресла, мастерски сработанные из здешней древесины. Иногда щелкали кедровые орешки – Толику повезло обнаружить разворощенную медведем нору бурундука. Косолапый убил грызуна, а вот внутрь «пещеры» добраться не сумел. А в ней оказалось почти полведра отборных орешков – все сухие и здоровые. Иногда друзья лущили горох, порой лакомились земляникой или лесной малиной, баловались чаем, заваренным из лесных трав.

Было что-то мистическое в разговорах двух людей о судьбах человечества, в то время как вокруг них на многие километры не было ни души.

– Знаешь, Генка, – сказал на первой из таких бесед Сивцов, – перед отъездом у меня состоялся разговор с одним очень интересным философом. Это не характеристика, это его настоящая профессия – он преподает «любомудрие» в университете. Этот ученый на полном серьезе считает, что в мире началась своего рода «зачистка» лишних людей. А ты как считаешь – может, действительно, настала пора пропалывать человеческие «сорняки»?

Валков склонил голову набок, видно, так ему было удобнее думать, но не спешил отвечать. В костре обрушилось полено, подняв фейерверк искр. Откуда-то издалека донесся протяжный стон зверя, который вполне мог оказаться предсмертным. Наконец, Генка ответил:

– Видишь ли, мой друг, здесь все зависит от точки зрения: кто и кого считает сорняком! Ясно, что для состоятельных людей все, кто не собрал определенного богатства – чернь, ничемные людишки. Ты же помнишь того надменного типа, который сказал: «Те, у кого нет миллиарда, могут идти в ж...у?»

– Помню, и даже предполагаю, что бы с ним сделали лет эдак сорок назад, – задумчиво произнес Сивцов. – Тогда критерии были другие, и сорняками считали как раз пресыщенных богачей. Но времена ведь переменились, почему-то и в нашей стране колесо повернулось, и уже не стало считаться зазорным – воровать, брать взятки, словом, наживаться. Я тоже могу припомнить фразу еще из девяностых: мол, если ты такой умный, то почему такой бедный?! Может быть, все же есть смысл в этом стремлении к богатству? Ведь как-то оно умудряется двигать прогресс. Вспомни: огромная страна с обширнейшими полями не могла себя обеспечить хлебом! А теперь, когда, как говорят, все разворовано, продаем излишки зерна другим странам! Не парадокс ли?

На этот раз приятель ответил сразу, без раздумий, видимо, он уже имел ответ на мучивший Толика вопрос:

– С прогрессом я бы был поосторожнее. Заметь: каждое серьезное открытие в технике, улучшающее нашу жизнь, одновременно дает толчок к деградации общества. Особенно хорошо это видно сегодня, в век компьютеров. Молодежь и двухзначные числа сложить не может не то, что в уме, даже в столбик. А слово «писать» скоро будет окончательно вытеснено его заменителем «качать» – из Интернета, этого кладбища мысли. Ты, наверное, не знаешь, что я преподаю в медицинском университете. Так вот, редкие студенты сами пишут курсовые дипломные работы, большинство без зазрения совести заимствует их из сети. Мы, конечно, отлавливаем этот плагиат, но, увы, не весь.

– Это элементарная лень, – то ли возразил, то ли поддержал товарища Сивцов. – Вообще-то, если углубиться в историю, человечество всегда стремилось меньше работать и больше отдыхать. Переложить свои заботы сначала на плечи простейших машин, а теперь и всяких навороченных роботов.

– Лень отдельного человека, может быть и не страшна, – продолжил Валков. – Но когда она охватывает все общество, это уже опасно. Сколько молодых людей сейчас сидит безвылазно дома, убивая время за компьютерными играми или пустой болтовней в социальных сетях. Еду

им доставляют прямо к порогу, никаких забот! Да, их кто-то должен содержать, но недалек тот час, когда эти, как правильно заметил твой философ, лишние люди будут получать достаточные для поддержания жизни пособия. Это уже делается в странах, которые продвинулись вперед в так называемом техническом прогрессе и могут себе позволить содержать человеческий балласт. И, как ты понимаешь, такой образ жизни отнюдь не способствует поддержанию здоровья, уж это я тебе как врач говорю. Ускоренное старение, куча болезней и, наконец, смерть, не отходя от компьютера – самый реальный прогноз. Вывод напрашивается сам собой: механизмы самоуничтожения человечества, по крайней мере, большей его части, уже запущены. Часики, как говорится, тикают.

– Уж больно безрадостную картину ты нарисовал, – вздохнул Анатолий. – Я все-таки верю, что не все так безоглядно предадутся лени. Есть же люди, которые к чему-то стремятся, ставят перед собой цели.

– Конечно, есть, но давай об этом поговорим в следующий раз. Предлагаю тему – тщеславие.

26.

Пирсон понял, что попал в плен к мятежникам. По дороге в Донск он размышлял, что же ему теперь делать? Занимать чью-то сторону в конфликте, причины которого ему были неизвестны, не имело смысла. Да, за ним стояла самая богатая и сильная в мире страна, но придет ли она на помощь конкретно к нему? Пошлет ли войска, чтобы вырвать своего солдата из лап варваров? Хотелось бы в это верить, но, во-первых, в Вашингтоне, возможно, не знают о его беде, а, во-вторых, за спиной бунтовщиков стоит Россия, а это значит, что спасение одного-единственного бойца может перерасти в международный конфликт, если не в мировую войну...

От такой перспективы у Грифа опять пересохло в горле. Он все отчетливее стал понимать, что на помощь родины рассчитывать ему не стоит. «Но как же мне тогда себя вести? – задавал он раз за разом себе вопрос. – Наверняка они заставят рассказать о цели прилета в Славию, может быть, даже будут пытаться».

Он представил себе, как у него вырывают ногти, обрубают пальцы, – дальше фантазии не хватило, но и этого было достаточно. Американец даже застонал от нахлынувшего на него жуткого видения истязаний.

– Вам плохо? – спросил все тот же владеющий английским провожатый.

– Если можно, воды, пожалуйста, – попросил Пирсон.

Другой конвоир налил из фляжки в новый пластиковый стакан прозрачную жидкость, и Гриф, сначала сделав небольшой глоток и убедившись, что ему дали не яд, и не водку, а простую воду, жадно выпил ее.

Между тем микроавтобус въехал на окраину города. В окно пленный увидел ровные улицы небольших домов, часть из которых была разрушена. Это отвлекло его от мыслей о дальнейшей судьбе, он стал понимать, что война здесь идет не на жизнь, а на смерть. Постепенно улицы становились шире, а здания – выше. Город оказался большим, зеленым и, вопреки ожиданиям Пирсона, многолюдным. Здесь, в центре, ничего не напоминало о ведущихся боевых действиях. Микроавтобус, лавируя в плотном потоке машин, наконец, повернул в какой-то проезд и остановился перед раздвижными металлическими воротами.

– Это КГБ? – спросил американец, не раз слышавший с детства о грозной машине подавления свободных людей.

– Почти угадали, – ответил все тот же конвоир. – Но у нас это министерство, а не комитет, значит, МГБ.

Пирсон мало что понял в этих сокращениях, но ему стало ясно, что оправдываются его худшие опасения. Более страшного «зверя», чем КГБ, он себе даже представить не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.